

Олег Лутин

HIDE

SIN

*Тяжкие
Падения*

Олег Лутин

**Тяжкие Падения.
Серия «Hide & Sin»**

«Издательские решения»

Лутин О.

Тяжкие Падения. Серия «Hide & Sin» / О. Лутин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832255-6

Ночь опускается на город. Я иду, кутаясь в плащ от дождя. Из-за туч выглядывает луна. Дождь стихает, но не прекращается. Я смотрю на её бледный труп, что валяется посреди тупика. Кровь смешивается с дождевой водой и стекает в канализацию. Это уже пятая жертва. Я найду убийцу. Чего бы мне это ни стоило. Ведь я поклялся сделать это над могилой Мэри, моей невесты, что стала его первой жертвой. Я вою на луну, превращаюсь в волка и скрываюсь во тьме ночного города. Охота началась. Я иду искать.

ISBN 978-5-44-832255-6

© Лутин О.
© Издательские решения

Содержание

Он приехал в город	6
Цепной волк	11
Пёс, что начал смотреть в лес	18
Этюд в желтых тонах	23
Тот, Кто Ходит по Болотам	33
Bad Riding Hood	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Тяжкие Падения
Серия «Hide & Sin»
Олег Лутин

© Олег Лутин, 2016

© Олег Лутин, дизайн обложки, 2016

© Дарья Крупкина, фотографии, 2016

© Юлия Тишкова, фотографии, 2016

ISBN 978-5-4483-2255-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Он приехал в город

Джимми, как и всегда в это время, стоял на перроне.

Было холодно и слякотно, как и всегда бывает осенним утром. Тем более, туманным осенним утром. Тем более, дождливым и туманным осенним утром.

Прибывал первый поезд. Джимми часто думал о том, что если бы на каждой остановке до Хэви Фоллс поезд стоял бы на минуту дольше, то Джимми мог бы поспать на полчаса, а то и час больше. Точное время он не знал, за год, что он торговал газетами в привокзальном киоске, он так и не удосужился посчитать количество остановок поезда Питтсбург – Сиэтл до Хэви Фоллс. В основном, потому что, когда работаешь на трех работах и ещё множестве подработок, как-то совсем не до подсчета станций на железной дороге.

Как и всегда, из утреннего поезда вышла всего пара-тройка человек. Но, увы, мистер Терпин требовал, чтобы к первому поезду киоск непременно работал. И если Томми и Джо, сменщики Джимми, часто халтурили, то Джимми очень боялся штрафов и потому всегда приходил вовремя.

Джимми так сильно клонило в сон, что он даже не сразу заметил, что на него уже минуту смотрит клиент.

– Газету, сэр?

– Да, пожалуй. Не подскажешь, где здесь ближайšie бар или кафе, которые работают в это время? – джентльмен, что хотел купить газету, был крупным мужчиной средних лет в деловом костюме и перчатках. На левом плече у него висел портфель, а через правую руку он перебросил черный плащ-пыльник. Лево́й рукой он протянул мальчику купюру, не снимая перчатку.

– Боюсь, в это время мало что работает... Разве что, диннер сестер Тормунд, но он не очень близко к вокзалу, – мальчик начал набирать мелочь на сдачу клиенту.

– Мелочь можешь не набирать, оставь сдачу себе, – жестом остановил Джимми мужчину, – а где этот диннер? Я очень проголодался, да и в прогулке перед завтраком не вижу ничего зазорного.

Джимми, наконец-то, поднял голову и посмотрел клиенту в лицо, до того, по привычке, смотря лишь на руки. На пухлом, но приятном лице с бородой царила усталая улыбка. С ней, правда, контрастировали стальные, практически ледяные глаза мужчины, но, возможно, просто так падал свет.

– На выходе с вокзала поворачиваете направо, идете прямо, пока не упретесь в магазин подержанных автомобилей Безумного Гарри, он, впрочем, будет ещё закрыт, у него поворачиваете налево, идете прямо, довольно долго, пока не увидите статую с крыльями, а там, на площади, вы уже и сами увидите диннер, у них довольно крупная вывеска. Если не ошибаюсь, сейчас там на кассе мисс Мэри, младшая из сестер.

– Откуда такие познания, часто там ешь?

– Подрабатываю.

– Для ребенка ты весьма обильно трудоустроен, – Джимми резануло слух словосочетание «обильно трудоустроен».

– Стараюсь, сэр.

– На что-то копишь?

– Сэр, у меня сейчас много работы...

Мужчина оглядел пустой вокзал и снова посмотрел на Джимми. Мальчик, наконец-то, понял, почему взгляд кажется таким тяжелым, не смотря на добродушное лицо. Человек с портфелем ни разу за беседу не моргнул.

– Ну, если честно, в основном я коплю на еду и одежду для себя и своей семьи. Как и все мои братья и сестры. После ухода отца у мамы совсем опустились руки, вот и приходится...

– Ты никогда не видел своих родителей, а братьями и сестрами можешь назвать разве что сожителей по комнате в детском доме. Из которого сбежал три года назад. Не люблю ложь, – с лица мужчины исчезла улыбка, а взгляд стал ещё более ледяным, – впрочем, трудишься ты честно, уже год, как не ворует. Уважаю честных работяг, – мужчина улыбнулся, хотя эта улыбка в сочетании со взглядом выглядела ещё более неестественно, чем до того.

Он бросил Джимми монетку и ушел раньше, чем мальчик успел что-либо ответить.

Посмотрев на монетку, Джимми увидел, что она довольно необычная...

– Доброе утро, добро пожаловать в диннер сестер Тормунд! Не хотите ли кофе? – улыбнулась Мэри.

Хотя, честно говоря, она бы совсем не отказалась от кофе сама. Увы, по средам была её очередь выходить на утреннюю смену. И зачем они открываются так рано?

– И вам доброе утро. Кофе, налейте, пожалуйста, в мою кружку! – мужчина средних лет протянул Мэри серебряную походную кружку.

– У нас можно взять кофе с собой в одноразовом стаканчике!

– Предпочитаю пить из своей кружки. И я его не буду брать с собой, я бы позавтракал здесь. Что посоветуете к кофе?

– О, у нас просто замечательные тыквенные маффины! Я сама их пеку! Вы впервые в нашем городе? – Мэри знала всех местных жителей в лицо, благо Хэви Фоллис был небольшим городком, впрочем, некая чужеродность мужчины чувствовалась и так, он явно не был местным.

– Я давно здесь не был. Интересная статуя, кстати, у вас стоит перед диннером.

– Ну, правильнее сказать, это диннер стоит за статуей, – Мэри усмехнулась, – эта статуя стоит здесь с основания города.

– Редко когда увидишь в американской глубинке статуи в честь Падшего Ангела.

– Не в честь Падшего Ангела, а в честь победы над ним, – поправила мужчину Мэри, – вы разбираетесь в искусстве?

– Ну, когда статуя изображает падающего на землю ангела, закрывающего лицо от света, не трудно разобраться, о чем она.

– Зря вы так, большинство туристов считают, что это просто ангел.

– Здесь часто бывают туристы?

Вопрос неприятно резанул Мэри по ушам. В Хэви Фоллис почти не бывало туристов. Приезжие сюда если и заезжали, то по каким-нибудь делам, после которых поскорее уезжали к себе домой. А так, диннер посещали в основном местные, особенно те, кто подрабатывал в Сиэтле или Питтсбурге, а потому мог себе позволить лишний доллар на чашечку кофе в диннере, а не у себя дома. В самом же городе уже давно царили безработица и нищета, потому и клиентом было немного.

– Нет...

– Ну, этих туристов не поймешь. Редко встретишь мелкий американский городишко со статуей Падшего Ангела на главной площади.

– Увы, наш мэр считает, что если основать позиционирование города на этом, сюда придут нежелательные элементы. Шериф вообще предлагал снести статую, но местное историческое общество выразило протест, как-никак её построили...

– В дни основания города. Я слышал об этом. Действительно вкусный маффин. И почему такая прекрасная дама, готовящая такие прекрасные маффины и не менее прекрасный кофе, держит диннер в таком захудалом городишке?

– Ну, мои сестры...

– Так же хотят покинуть этот город, как и вы. И так же не могут этого сделать.

– Простите, сэр?..

– Знаете, я, пожалуй, найду ещё сюда вечером. Скажите Кэтрин, чтобы приготовила свой фирменный имбирный пирог. Сдачи не надо, – мужчина резко встал и ушел раньше, чем Мэри успела спросить, откуда он знает её сестру. Она посмотрела на оставленные мужчиной деньги и вскрикнула.

– Милейший, – Старый Джо очнулся ото сна от того, что его окликнули, – не подскажите, а бар «Глотка» уже открыт?

– Пошел к черту, – огрызнулся Старый Джо, который ненавидел, когда его будили до полудня. Да и кто любит просыпаться с похмелья, тем более в такое дождливое утро?

– Джо, спать на скамейке под дождем вредно для здоровья, – заметил вежливый мужской голос.

– Пошел к черту! – рассвирепел Старый Джо и резко поднялся, – ты?..

Запал Старого Джо резко пропал, да и алкоголь мгновенно выветрился из головы.

– Надо же, каждый раз ты первый, кто меня узнает. Приятная традиция. Держи за неё доллар, – мужчина бросил бездомному монетку.

– Спасибо... простите... я не знал.

– «Глотка» открыта?

– Открывается в полдень.

– Чертовы пропойцы, любят подрыхнуть... Ладно, навещу шерифа, а то до меня неприятные слухи дошли... Кто у вас сейчас шериф?

– Нил Янг, сэр...

– Ожидаемо, кто ещё мог предложить такую идиотскую идею, как снос статуи. Ладно, я буду у него в офисе, а в полдень пойду в «Глотку». Постарайся всех оповестить. И не потеряй мой доллар, сам помнишь, всего один в одни руки! – мужчина подмигнул Старому Джо и зашагал по направлению к офису шерифа.

– Ты?

– Я вижу, у вас тут в Хэви Фоллс совсем не следят за календарем.

– Ты не хуже меня знаешь, в этом мире время...

– Я тут слышал, ты статую снести хотел.

– То, что у остальных опустились руки, не значит, что!..

– Ты, правда, думал, что у вас это получится?

– Но...

– Нил, если бы Сам Знаешь Кто, – мужчина в перчатках выразительно показал наверх, – хотел, чтобы вы имели возможность забыть, почему вы здесь, я бы не посещал эту дыру каждые 13 лет.

– Я понимаю...

– Что бы больше такого не было. Иначе не получишь свой доллар. Вообще, я не уверен, дам ли я тебе его в этот раз. Пока что твои успехи не выглядят такими уж успешными, – Нила всегда раздражала привычка Куратора использовать стилистически сомнительные обороты.

– Но, господин!..

– Я буду, как всегда, в «Глотке». Вечером, часа за два до Процедуры, найду к сестрам Тормунд, имбирный пирог Кэтрин мне очень понравился в прошлый раз. Затем прогуляюсь. Надеюсь, к тому моменту у меня найдутся основания заплатить тебе, – сказал Куратор, смотря своим немигающим ледяным взглядом Нилу прямо в глаза.

– Да, господин...

– Можно просто Куратор. Или мистер Куратор. А то от «господин» несет чем-то... Ну, ты понимаешь, – как всегда, не прощаясь, Куратор вышел из офиса Янга.

Весь день жители города приходили в бар «Глотка» и убеждали господина Куратора, который упорно просил называть его «мистер», а не «господин», что они честно трудятся,

усердно исполняя свои функции в городе, а потому достойны получить от него заветную монетку.

Тех, кого Куратор награждал этими самыми монетками, со слезами благодарили его, чуть ли не на коленях выползая из «Глотки». Другие до последнего пытались переубедить его, пока их не выкидывал из бара Рыжий Билл. В конце концов, он и его семья получили свои доллары именно за то, чтобы Куратору не мешали слишком утомительные элементы.

Наконец, вечером, Куратор устало потянулся, сказал, что прием закончен, и, уложив в портфель бумаги, в которые записывал чем-то заинтересовавшие его вещи, направился в черном ходу, проход к которому расчистил Рыжий Билл. Его старший сынок всюю помогал отцу.

– Молодчина, – Куратор потрепал парня за волосы, – как зовут?

– Ульям-младший!

– Хорошо работаешь. Дал бы тебе ещё доллар, но сам знаешь, один доллар в одни руки, а ваши отработал ваш папка. Но я рад, что у него достойная смена!

Даже у черного хода Куратора ждала толпа. Впрочем, как только он отрезал ледяным тоном, что пока не поужинает в диннере сестер Тормунд, он никому не заплатит, а если будут наседать – не заплатит вовсе, все тут же расступились. Все знали, что он не шутит.

– Господин, простите, Мэри была совсем маленькой, когда вы были здесь в прошлый раз, и забыла, как вы выглядете!...

Куратор жестом остановил поток извинений от Кэтрин.

– Мистер Куратор. Не господин. Ничего страшного, как вы заметили, свой доллар она отработала. Ты приготовила мой любимый имбирный пирог?

– Да, а Лиза заварила ваш любимый зеленый чай с жасмином!

– Ага, пусть помоеет мою кружку, весь день пил из неё кофе, а затем зальет туда чай! Ну, что же, приступим к ужину!

Куратор стал с аппетитом поедать пирог, запивая его принесенным Лизой чаем, за который тут же кинул ей доллар, пока все три сестры выжидательно на него смотрели, стоя рядом.

В заведении было пусто, они всех выгнали ещё за час до его прихода.

– Отлично, вот твой честно отработанный доллар, Кэтрин! – Куратор бросил ей заветную монетку.

– Благодарим, вы, как всегда, щедры, господин...

– Мистер! Не щедр, а честен и справедлив. Ладно, пойду погуляю по городу, а то, вон, страждущие уже изнемогли от нетерпения. Не опоздайте на Процедуру!

– Разумеется, господин Куратор!

Страждущие бы стали серьезной проблемой для планов Куратора спокойно подышать свежим воздухом, но шериф и его команда не подпускали к Куратору больше, чем одного человека сразу, а когда Куратор давал знак, что хочет отдохнуть, и вовсе вставляли непроницаемой шеренгой. За это он награждал каждого из них заветной монеткой в конце прогулки, погрозив, впрочем, Янгу перед тем, как дать доллар ему.

Приближалась Процедура. Все, кто получил заветные монетки, собрались на площади перед статуей. Было ещё несколько тех, кто не получил, но полиция довольно быстро их отсюда вывела.

– Я доволен вами, мои дорогие, – начал свою речь Куратор, – вы славно трудитесь. С каждым моим приходом тех, кто не получил от меня монетку все меньше и меньше! Вы рождаетесь, вырастаете, рождаете детей, растите их, стареете, а затем умираете, чтобы снова родиться здесь, уже много лет! Даже я не помню точно, как давно я вас посещаю...

– Уже двести лет! – выкрикнул кто-то из толпы.

– 195, если быть точным, – улыбнулся Куратор, – пятнадцатый раз, юбилейный, можно сказать! И посету ещё 651 раз! Но, это дела далекого будущего, а нам пора перейти к настоящему! Итак, как всегда, раз в 13 лет у одного из вас появляется возможность покинуть это слав-

ное место заточения и вернуться... на свое прошлое место работы, – ухмыльнулся Куратор, – а так же, избежать участи, оказаться одним из тех, кто останется здесь после моего последнего посещения! Итак, надеюсь, мэр Уилкоккс, Колесо Фортуны работает исправно?

– Регулярно смазываем, мистер Куратор, – Уилкоккс сдержался от порыва назвать Куратора «господином», – сейчас его принесут!

Когда Колесу Фортуны принесли поставили перед статуей, Куратор продолжил.

– Итак, для тех, кто переродился в последний раз уже после моего прошлого прихода, напомню Процедуру. На каждой заветной монетке уникальный номер. Я вращаю Колесо всего один раз. Если я обнаружу, что с ним что-то не так, как было семь моих приходов назад...

– Нет, что вы, что вы, мы не повторим той ошибки! – заверил мэр Уилкоккс.

– Отлично, сами знаете, ваш предшественник с тех пор ещё ни разу не получил монетки, – погрозил ему пальцем Куратор, – так вот, я вращаю Колесо всего один раз. Чей номер выпадет, покидает это место. С остальными мы увидимся ещё через тринадцать лет.

Куратор крутанул Колесо. Горожане замерли в ожидании, молясь, чтобы в этот раз повезло им...

Когда выпал номер Джимми, остальные с горечью выдохнули.

– Ну, что же, поздравляю, Джимми, – улыбнулся Куратор, – в этой жизни ты ещё не был на Процедуре, так что напоминаю, теперь нужно подойти ко мне.

Джимми неуверенно подошел. Куратор надел плащ, обнял мальчика, накрыв его плащом, а затем резко выпустил его из объятий. Из пол плаща выпорхнуло нечто светящееся и, хлопая крыльями, понеслось на небо с такой скоростью, что уже через секунду казалось лишь звездочкой в небе.

– Ну, что же, расходимся, господа. До встречи через 13 лет! – сказал Куратор и направился к вокзалу.

Горожане начали печально расходиться по домам.

Куратор не был удивлен, когда его догнал Нил Янг.

– Опять спросишь это же самое?

– Я делал это и прежние рождения?

– Да, ты делаешь это каждый раз каждое рождение. В этом делаешь уже в третий раз.

– Зачем ему это?

– Это нужно не ему. Это нужно вам, – в пятнадцатый раз ответил Куратор, – о, а вот и мой поезд!

Ночной поезд действительно подошел к перрону.

– Мог бы и по-эффектнее нас покидать, – заметил Нил.

– Я эффектно покину этот мир, когда сотру оставшихся в городе с лица земли вместе с самим городом, – вздохнул Куратор, – но, увы, это случится лишь через 8463 года. А до тех пор, все поездом-поездом. Надо же отработать свой заветный доллар! – едва он договорил, как поезд тронулся с места, и Куратор исчез за дверью вагона.

Нил смотрел на уходящий поезд, пока тот не скрылся за горизонтом. А затем медленно поплелся домой.

Цепной волк

В чем разница между волшебником и колдуном? Волшебники бывают добрые и злые. Добрых колдунов не бывает.

«Магия бывает трех видов: волшебство, чародейство и колдовство.

Мы, исповедующие принципы Догмы, предпочитаем использовать волшебство, как менее всего искажающее реальность вокруг. Впрочем, часто выбирать не приходится».

«Ненавижу, когда приходится иметь дело с вампирами», – подумал Адам и, зарывав, обернулся в волка, бросившись на кровососа. Но тот лишь откинул его телекинезом.

Колдун явно недавно начал пить кровь для продления своей жизни – лысая, как череп, голова, бледно-серая кожа и кроваво-красные глаза показывали сильное проклятье, если бы он начал пить кровь раньше, оно бы не оставило на его внешности таких следов. Впрочем, судя по его бешеным визгам и почти звериной манере двигаться, проклятье исказило не только внешность, но и разум.

Вампир призвал мертвецов из могил, но сестра Кэтрин тут же обратила их в прах одним щелчком пальца.

«Хорошо, что сейчас ночь и на кладбище нет простых смертных», – подумала она, вытерев потекшую из носа струйку крови.

– Предательница Старой Крови! – закричал вампир и бросился на неё с разбегу, но Адам прыгнул на него сбоку и впился клыками кровососу в шею.

Они начали кататься по земле, издавая нечеловеческие звуки и пытаясь перегрызть друг другу глотки.

Перекрестившись, сестра она сконцентрировалась и, указав на вампира рукой, начала сжимать пальцы и читать громко молитву. Молитва никак не помогала магии, но позволяла сестре пересилить невыносимую боль.

Вампир рассыпался в прах. Адам обернулся обратно в человека. Сестра Кэтрин убрала выбившуюся поседевшую прядь волос обратно под платок.

«Идеи Догмы возникли в Южной Европе в V веке нашей эры. Христианство под воздействием Вселенских Соборов постепенно обрело современные черты, все больше людей исповедовало его. И многие маги, принявшие христианство, понимали, что их способности – это ужасный грех. Но так же они понимали, что только маги способны победить магов. И тогда они решили искупить свой грех, став преградой между христианским миром и ужасной силой, что таилась во мраке».

– Это было кладбище конца позапрошлого века! Из разнесенных вами склепов пять представляли собой историческую ценность, а шесть считались произведениями искусства! – кричал отец Теодор.

– Но зато мы убили вампира! – оправдывался Адам.

– Да, жаль только пяти девушкам, которых он убил за этот месяц, это не помогло! В том числе той, которую он убил прямо перед вашим приходом!

– Боюсь, это не самое страшное, – впервые за весь разнос подала голос сестра Кэтрин.

– Ты вообще за кого? – удивленно посмотрел на неё Адам.

– Она за правду. И это весьма достойно, – заметил отец Теодор, – хотя и не решает нашей новой проблемы.

– Да о какой проблеме вы оба говорите?! Вампир же мертв!

– Овладеть некромантией не будучи вампиром нельзя – проклятье размажет тебя по стенке, особенно если творить ритуалы при жертвах, как это делал он до нашего прихода. Он же начал пить кровь, судя по всему, где-то месяц назад. В то же время, судя по степени его психической деградации, его уже пару месяцев как едва ли можно было считать разумным существом. То есть, он не мог овладеть некромантией сам, как самоучка. Его кто-то этому научил.

– То есть, у нас в городе ещё один вампир-некромант?

– Скорее некромантка. Он кричал про Старую Кровь, значит его учителем была ведьма. А ведьмино проклятье редко передается по мужской линии. Так что думаю, это вампирша-ведьма, причем потомственная.

– Хуже не бывает, – вздохнул Адам.

Сестра Кэтрин знала, что бывает, но решила не говорить это вслух, чтобы не сплзлить. Отец Теодор поступил так же, потирая протез левой ноги, которую потерял во время того случая, который они с сестрой не любили вспомнить лишний раз.

«Главным врагом Догмы стал Шабаш. Фактически, эта идеология существовала всегда, но формализована и кодифицирована, если так можно про неё сказать, она была в ответ на возникновение идеологии Догмы, что провозгласила крестовый поход против магии. Идеологию Шабаша поддержали все те маги, что не хотели ухода старых времен, когда они правили людьми, контролируя простых смертных при помощи чудес и кровавых культов, в которых они нередко выдавали за богов самих себя. Особенно ревностно идеям Шабаша служили колдуны, так как их сила была самым дерзким вызовом Богу, ведь сама суть колдовства заключалась в изменении мира вокруг, искажении установленных Богом законов бытия».

– Ненавижу канализацию! – ныл Адам. Как и у всех оборотней, у него было очень чуткое обоняние. «И совершенная неспособность держать свои мысли и эмоции при себе» – подумала сестра Кэтрин, которую очень утомляло его нытье.

– К сожалению, времена, когда колдуны прятались в катакомбах, давно прошли. Сейчас роль подземного укрытия от света обычно играет канализация.

– Ты уверена, что она боится света?

– Нет, но это весьма вероятно. Все убийства совершались ночью. Часть девушек, конечно, убил наш покойный друг, но часть должна была выпить она. Так что, более чем вероятно, что она тоже ведет ночной образ жизни.

– Может, она просто сова?

– Может. А может она боится света. В любом случае, других зацепок у нас нет. О, амулет активировался! Похоже кто-то колдует совсем рядом.

– Смотри! – Адам резко показал в сторону, и сестра Кэтрин заметила в темноте движение. Они побежали за убегающей от них фигурой.

«Ладно, хоть какая-то польза от оборотня. Я в таком мраке бы её не разглядела, да и сейчас еле вижу, за кем мы бежим», – подумала, запыхавшись, сестра Кэтрин.

– Адам, беги за ней, а я лучше осмотрю её логово, все равно мне за ней не угнаться!

«Главным оружием Догмы против Шабаша стала вера простых людей. Вернее их неверие в темное колдовство и вера в чудеса Божьи. Потому что каждый человек неосознанно влияет на мир вокруг, и потому даже самые могучие маги неспособны что-либо сделать, когда вокруг тысячи не верящих в магию людей. Даже колдуны могут пересилить мощь веры толпы, лишь пожертвовав собой. Поэтому Догма убеждала людей в том, что магия – это ложь, Шабаш же, напротив, культивировал суеверия и слухи об ужасающей мощи темных сил».

Адам бежал за ускользящей от его взора тенью. К счастью, благодаря нюху, ему необязательно было её видеть. Судя по запаху, сестра Кэтрин была права, их целью была женщина.

«Довольно неплохой парфюм, кстати, для той, кто обитает в канализации», – машинально подумал он.

Они выбежали из коллектора на рельсы метро. Вдруг, спустя десяток метров бега по рельсам, тень остановилась и развернулась.

Своим ночным зрением Адам разглядел довольно симпатичную особу лет тридцати, скорее всего, с темными волосами. Она ухмыльнулась и сделала какой-то жест руками. Вспышка света ослепила оборотня.

Из оцепенения его вывел гудок. Адам еле успел отпрыгнуть от несшегося на него поезда. Когда поезд промчался мимо, Адам, последовав дальше, увидел, что вышел на станцию метро. Люди удивленно смотрели на него.

«Магия иллюзий, она внушила мне, что мы все ещё бежим по темному пустому перегону, в то время как на деле мы были прямо у станции и на нас несся поезд. А затем просто сняла иллюзию, чтобы ослепить меня реальным положением дел и уйти. Хитрая ведьма!»

Выйдя на перрон, он набрал номер сестры Катарины.

«Хорошо, что закупленные у Консилиума телефоны ловят даже в подземке», – подумал он, ожидая ответа.

– Я упустил её.

– Я не удивлена.

– Обидно!

– Да, нет, дело не в тебе. Судя по тому, что я нашла, это очень сильная и могущественная ведьма. Впрочем, тут есть кое-что, что навело меня на след! Встретимся в баре Великана!

«Догма почти выжгла Шабаш огнем и мечом, когда в игру вступила третья сила, Консилиум. В эпоху Возрождения умеренные шабашиты и некоторые догматики-еретики провозгласили принцип „магии для всех“. Они начали проповедовать научные принципы, при помощи которых решили дать равные способности по изменению мира вокруг каждому человеку, тем самым устранив неравенство между простыми смертными и магами не через угнетение магов, но через возвеличивание каждого человека. Именно поэтому придуманное ими чародейство так похоже на человеческие науки. Постепенно именно Консилиум стал доминирующей силой в мире, но войну между Догмой и Шабашем это не остановило».

Великан всегда поражал Адама.

Согласно досье, это действительно был его природный рост, он был двух с лишним метров ростом ещё до того, как стал чародеем.

И при этом, вопреки стереотипам, не смотря на габариты Великан был чертовски умен. Как-никак четыре диплома полученные в трех престижнейших университетах страны. Неудивительно, что с таким умом он попал в поле зрения Консилиума, и те завербовали его, обучив чародейству.

– Вас редко можно встретить в моем баре, сестра Кэтрин. На переговоры со мной Догма обычно не посылает бойцов. Или Догма больше не хочет перемирия с нами?

– Догма выполняет свои обязательства. Вопрос в том, выполняете ли их вы.

– Простите?

– В городе появилась опасная ведьма. Есть жертвы среди простых людей.

– А я здесь при чем? Война Догмы и Шабаша не касается Консилиума.

– Да, но в её логове я обнаружила вот это, – монашка выложила на стол какой-то весьма странный механизм, – вы же не будете отрицать, что в городе лишь один чародей имеет докторскую степень по квантовой физике, а потому мог собрать такую штучку?

- Наше перемирие не запрещает мне торговать с кем я захочу.
- Да, но при помощи вашего механизма она оживляла мертвых.
- Оживляла мертвых с втрое меньшим числом жертв, необходимых для ритуала, – заметил Великан, – а значит формально мое изобретение помогает сократить число жертв аномальной деятельности среди простых смертных. Не думаю, что вы сможете доказать, что я нарушаю этим условия нашего перемирия. Выйдете сами, или вам показать, где выход?
- Я уйду, лишь когда узнаю, где она. И, кстати, кто она.
- Адам сильно занервничал.

«Чародейство основано на манипуляции коллективным бессознательным. Оно пытается преподнести задуманное чародем чудо, как следствие естественных законов бытия. Вернее, как следствие тех законов, в которые верят окружающие люди. Поэтому главная цель чародея – совершить чудо так, чтобы оно казалось людям чем-то естественным, пусть даже и маловероятным. Использование реальных научных законов этому так же весьма способствует».

– Вы находитесь в моем баре. Здесь огромное количество простых смертных, не верящих ни в какую магию. А значит, ваш блохастый друг не сможет превратиться в зверя, да и вас убьет даже самое простое колдовство.

Адам зарычал, когда его назвали «блохастым другом», но с горечью обнаружил, что действительно не может превратиться в волка.

– Да, но их неверие работает и против вас, мистер Коттен. Так что это пат.

– Не совсем так. Не нужно особых усилий, чтобы поверить, что двух с лишним метровый гигант может переломить монашке и панку хребты. Да и никогда не промахивающийся пистолет, который лежит у меня в кармане, не является чудом, в которое неспособны поверить окружающие. Знаете, кино творит чудеса, люди правда убеждены, что из пистолета можно попасть в бегущую в ста метрах впереди жертву. А между нами с вами куда меньше ста метров. Итак, у вас три варианта. Вы уходите сами. Я ломаю вам хребты и вы уползаете сами. Я ломаю вам хребты, а после застреливаю, так как вы до упора не хотели покидать мой бар.

– Не бойтесь создать проблем вашим адвокатам?

– В суде без всякого чародейства возможны чудеса. А с магией они просто неминуемы, особенно, когда твой адвокат владеет гипнозом!

– Вот вы и попались!

– В смысле?

– Вы признали, что ваш адвокат владеет гипнозом и использует его в суде. А магическое вмешательство в правосудие простых смертных нарушает условия перемирия. Вы бы без труда доказали, что ваша штучка, – сестра Кэтрин указала на прибор, все ещё лежавший на столе, – не нарушает условий перемирия и даже напротив, способствует ему, но от этого вам не отвертеться.

– Чего вы хотите?

– Расскажите нам про вашу заказчицу, а мы забудем о способности мистера Грэя к гипнозу.

«Волшебство основано на том, что волшебник стремится стать подобным тому или иному природному явлению и, становясь подобным этому явлению, обретает его возможности. Пламенный гнев и горячая страсть – и вот в твоих руках зажигается огонек. Рычание и вой на луну – и твои когти все сильнее похожи на волчьи. Волшебники лишь повторяют то, что уже есть в мире, а потому эта магия почти не нарушает замысел Божий».

– Привет, Аманда!

Ведьма поднялась с корточек, на которых сидела рисуя пентаграмму. Она все ещё стояла спиной к сестре Кэтрин и Адаму, но в свете луны оборотень убедился, что у неё действительно черные, как крыло ворона, волосы.

Три скованных цепями девушки, которых вампирша приготовила в жертву, замычали что-то сквозь кляпы, видимо моля монашку и панка о помощи.

– Привет и тебе, сестра Кэтрин, предательница Старой Крови, – ответила Аманда. У неё был приятный голос с легкой хрипотцой.

– Великан рассказал тебе обо мне?

– Условия перемирия между Догмой и Консилиумом в этом городе не мешают ему торговать информацией. А условия перемирия между ним и Шабашем к этому всячески призывают, – Аманда повернулась к ним лицом, и Адам увидел её огромные и абсолютно черные глаза.

– Зачем все эти жертвы?

– Чтобы выжить.

– Для продления жизни и уменьшения вредоносных эффектов проклятия достаточно пить по одной жертве в лунный месяц. Да и пентаграмма для этого не нужна.

– Я не о своем личном выживании. Я о выживании нашего рода, нашей традиции. Вы, догматики, рубите сук, на котором мы все сидим. В мире, где люди не верят в магию, не будет места ни для кого из нас.

– Я много раз слышала слова вашей шабашитской пропаганды. Что ты задумала?

– Массовое оживление мертвых в этом городе увеличит количество городских легенд о черной магии. Люди во всем штате станут более суеверны. А значит, мы станем более сильны.

– Но это же убьет тебя!

– Если оживить их сразу всех вместе и наслать на город – несомненно. А если их оживлять небольшими группами, да ещё при помощи кровавых ритуалов, и они начнут, прячась в ночи, нападать на небольшие группы людей, да ещё так, чтобы выжившие были и сами не уверены, что именно с ними произошло, то паника постепенно проникнет в сердца живых. Это не будет мгновенный шок, ломающих их картину мира, это будет медленно выдавливание их сознания в ту картину мира, в которой черная магия и колдовство правят миром!

– Мы услышали достаточно, пора её остановить! – закричал Адам и превратился в волка. Во время обращения он почувствовал существенное напряжение.

«Девушки-жертвы! Ладно, я пересиливал неверие и большего числа людей».

– Огромное спасибо, что обернувшись в волка, сломал картину мира этих милых девушек, и теперь они окончательно поверили в потустороннее, – засмеялась Аманда и взмахом руки сожгла оборотня дотла.

У ведьмы потекла струйка крови из носа, но она не прекратила смеяться. Сестру Кэтрин охватила холодная ярость.

«Колдовство – единственный вид магии, чудеса которого могут произойти вопреки вере окружающих. Колдун искажает мир вокруг себя, но взамен мир искажает самого колдуна. Поэтому все колдуны прокляты. Странная внешность, слабое здоровье, большая психика – все это их характерные признаки, проклятье их метит. Бывают и более аномальные проклятья, вроде потребности пить человеческую кровь у вампиров. Впрочем, вера окружающих помогает в определенном смысле и против них, так как проклятье тем страшнее, чем сильнее вера окружающих сопротивляется искажению мира колдовством. Совершив слишком сильное чудо колдун может даже умереть».

Монашка бросилась в холодной ярости на ведьму, но та с хохотом вскочила на материализовавшуюся у неё в руке метлу и полетела ввысь.

– Простите, девушки, – сказала сестра Кэтрин и, читая молитву, убила их.

Более не боясь неверия свидетелей, сестра Кэтрин напряглась, и прямо через ткань рясы из её лопаток вырвались белоснежные крылья. На огромной скорости она погналась за улетающей на метле ведьмой.

Ведьма, чье лицо все же покрылось морщинами из-за чудес на глазах жертв («впрочем, если бы не этот блохастый идиот, её бы как минимум парализовало», – подумала сестра Кэтрин), стала метать в монашку искры зеленого пламени из колдовской палочки, что сжимала левой рукой, пока правая управляла полетом метлы.

Сестра Кэтрин уворачивалась, вызывая в ответ молнии из окружающих туч. Она предпочла использовать волшебство, а не колдовство, чтобы не рисковать здоровьем.

«Надо заставить её опуститься на землю, желательно в людное место, чтобы она решила, что между нами пат», – в голове монашки созрел план.

Молния ударила прямо в хвост метлы, и ведьма начала падение на землю.

Монашка бросилась и обхватила её, не давая вновь взлететь. Крылья сестры Кэтрин отвалились, и два сплетшихся женских тела стремительно пикировали вниз.

Но в последний момент ведьма успела поработать с теорией вероятностей, и они упали в находившийся на крыше небоскреба бассейн.

«Чародейство в действии. Поверхностное натяжение воды должно было нас убить при падении с такой высоты, но, к счастью, те, кто плавает в бассейнах на крышах отелей в час ночи предпочитают кино урокам физики», – подумала монашка, выбираясь из воды.

Ведьма уже выбралась и, стоя в насквозь мокрой одежде, смотрела на не менее мокрую монашку своими жуткими черными глазами.

«Впрочем, судя по длинному носу, ещё более глубоким морщинами и неестественной бледности кожи, колдовство она тоже для спасения использовала», – подумала Кэтрин привычными движениями пытаясь убрать под платок свои рыжие с не соответствующей возрасту проседью волосы, но затем махнув рукой на это бессмысленное в данной ситуации дело.

«Впрочем, некоторые колдуны не выбирали свою судьбу. Если слишком много поколений одного рода занимались колдовством, проклятье ложится на весь род. Особенно часто проклятье передается по женской линии, так как женщины ближе к сущности своего рода, чем мужчины. Так и появляются ведьмы – те, кто был проклят колдовством от рождения. Не так ли, Кэтрин?»

– Зачем ты воюешь с нами? Ты же одна из нас, ты – ведьма!

– Я не выбирала, кем родиться.

– Но пойми, мы же можем построить мир, где мы будем богами для всей этой черни!

– У тебя от рождения такие глаза?

– Да, а что?

– А у меня от рождения вот это, – сестра Кэтрин сорвала с головы монашеский платок, и Аманда увидела небольшие рожки среди рыжих волос, – это все, что оставила мне моя мать, бросая в детском доме. Знаешь, как со мной обращались другие дети?

– Но зачем же ты тогда защищаешь людей? Они же такие же, как те дети, они всегда будут пытаться травить нас, не таких, как они! Единственный способ избежать этого, это заставить их бояться нас! Бояться и боготворить!

– Я не испытываю к ним любви. Я ненавижу нас, наше племя. Свою мать, весь свой род, всех тех, чья жажда могущества наградила меня этим уродством!

– Ты больна! Догма заразила тебя самоненавистью! Но ты можешь излечиться, и твои рога перестанут быть для тебя символом позора, они станут символом твоей гордости!

– Нет. Потому что я не хочу, чтобы это проклятье было поводом для гордости для кого-либо в мире, особенно для меня самой. И потому, сегодня я остановлю тебя, как много раз останавливала таких как ты раньше!

– У нас пат! Вокруг слишком много людей! Волшебство и чародейство не сработают, а колдовство убьет любую из нас!

– Ты права. Вот только я не дорожу своей жизнью. Зачем дорожить существованием, которое для тебя хуже ада? Когда тебе омерзительна сама твоя сущность? Прощай, Аманда! Увидимся в аду!

– Кэтрин-Кэтрин... Ты всегда любила спецэффекты, – пробормотал отец Теодор себе под нос, – «пламя света с небес посреди ночи осветило крышу отеля, а когда мы открыли глаза, не было ни уродливой карги, ни рыжей монашки! Только лишь две кучи праха!» – прочитал он рапорт, после чего встал с кресла и похромал к окну.

– Мне будет тебя не хватать, – сказал отец Теодор и посмотрел вдаль, привычным движением потирая своей протез.

На город опускалась ночь.

Пёс, что начал смотреть в лес

Белый снег так прекрасен в серебристом свете луны.

Сестра Мария любила зиму. Да, в монашеской рясе было весьма прохладно, но эта бело-снежная красота компенсировала телесный дискомфорт от холода, тем более, монашеская жизнь заставляет привыкать к лишениям.

Её почти не было видно в кустах. Белая часть рясы сливалась со снегом, подобно тому, как бледная от холода кожа самой сестры сливалась с белым скрывающим волосы монашеским платком, а черная ткань была плохо различима в темноте зимней ночи.

Сестра Мария выжидала.

Скинхеды сидели на скамейке ночного парка и что-то горячо обсуждали, когда из темноты показалась женская фигура.

Вышедшая из темноты девушка лет 16—18 на вид была одета во все черное, что очень сочеталось с её волосами цвета крыла ворона. Кожа же её была ещё белее, чем сейчас у самой сестры Марии.

– 14 \ 88! – крикнул брюнетке один из скинхедов, да и остальные вскочили со скамеек, явно желая поразвлечься с симпатичной девушкой в безлюдном парке.

– 13 \ 666! – ответила им девушка перед тем, как начала жестокую кровавую резню.

Сестра Мария не вмешивалась. Во-первых, как и все хищники, вампиры ещё более агрессивны, когда у них пытаются отобрать еду во время трапезы. Во-вторых, опять-таки, как и все хищники, наевшись вампиры непроизвольно становились более медлительными и вялыми, что было на руку сестре Марии. В-третьих, она и сама ненавидела нацистов, поэтому не видела особого зла в их смерти.

«Отец Теодор, конечно, наложит епитимью, но, зная его собственные взгляды, не думаю, что она будет очень уж суровой», – подумала Мария.

Когда вампирша напилась и уселась на скамейку перевести дух, сестра Мария вышла из укрытия.

Две девушки с бледно-белой кожей посмотрели друг другу в глаза. Синие, как лёд, глаза сестры Марии смотрели прямо в черные, как бездна, глаза вампирши.

За мечи они схватились одновременно, когда побежали на встречу друг другу.

Схватка была яростной, но очень быстрой, а потому недолгой. Вялая от сытости вампирша не была готова к атаке, а сестра Мария готовилась к бою весь день. К тому же монашка была с головы до ног увешана святыми предметами, что ещё больше осложняло бой для вампирши.

И вот, бледная голова брюнетки покатила по снегу, после чего, как и все тело, обратилась в прах, казавшийся белым в лунном свете.

Монашка машинально вытерла лезвие меча, хотя необходимости в этом не было, вампиры не оставляют крови, так как клетки их организма впитывают кровь мгновенно, после чего зашагала в сторону своей машины. Близилась полночь, а к утру ещё надо было написать рапорт для отца Теодора.

Читать молитву над обескровленными телами скинхедов сестра Мария не стала, хотя по процедуре это было положено.

«Не заслужили». – подумала она, машинально заправляя золотисто-белую прядь волос под платок при взгляде в зеркало машины.

В библиотеке царил синий полумрак.

Сестре Марии всегда казалось интересным, что сумерки кажутся отнюдь не серыми, а скорее синими. От этой синевы даже веет прохладой, впрочем, сейчас было действительно холодно, зима все-таки.

Так как в библиотеке было много раритетных свитков и книг, что могли загореться от малейшей искры, сестра Мария светила себе холодным светом светодиодного фонарика, а не свечой.

Прихрамывание отца Теодора Мария услышала заранее. Она была очень чуткой, да и он не пытался скрываться.

– Пишешь рапорт? – спросил он, посмотрев на неё своими стальными глазами.

– Да, – улыбнулась Мария. Сейчас синева её глаз казалось не ледяной, а скорее небесной.

– Хорошо, не буду тогда спрашивать, как все прошло, завтра с утра прочитаю. Хотя, судя по твоему настроению, вампирша мертва, а это главное.

– Да, отец Теодор, – монашка была рада его решению. С отца Теодора бы случилось посадить её на горох прямо среди ночи за непрочитанную над мертвыми телами молитву, а ей хотелось выспаться после успешно выполненного задания.

– Собственно, я совсем по другому поводу. Меня смущает, что ты уже много лет отказываешься брать себе напарников на задания.

– Я вполне справляюсь сама.

– Со смерти брата Майкла прошло уже десять лет!

– Это здесь не при чем.

Отец Теодор крепко схватил её за руку.

– Никогда не ври в доме Божьем! Тем более мне! – его стальные глаза стали казаться ледяными в синеве полумрака, – после нашего разговора двенадцать раз прочтешь «Первое Послание к Коринфянами», сидя на коленях на полу в своей колье!

– Да, отец Теодор, – девушка опустила глаза.

– Пойми, я беспокоюсь за тебя. Я боюсь, не посеял ли тот случай опасные семена в твоей душе.

– Отец Теодор, возможно, я не права, но я правда не уверена, что смогу кому-либо довериться. Тем более, одна я справляюсь с исчадиями зла ничуть не хуже.

– Это так, но есть битва куда более важная, чем сражения с чудовищами, что приходят в ночи. Эта битва с демонами, что поселяются в наших душах. Напарники нужны не только для того, чтобы прикрывать спину в бою. Они должны быть стражами брату своему.

– И я оказалась ужасным стражем для брата Майкла.

– Ты не виновата в том, что тогда случилось.

– Вы сами много раз говорили, что нельзя врать в доме Господнем, – по щекам сестры Марии потекли слезы.

Отец Теодор обнял её и начал гладить по голове.

– О, дитя, я не вру! В том случае нет твоей вины. Брат Майкл сам утаил случившееся от всех нас... Никто не виноват в том, что произошло. Ладно, иди спать, рапорт допишешь утром! Но перед сном не забудь прочитать двенадцать раз «Послание к Коринфянам»!

Они шли по этому мерзкому болоту, кажется, уже целую вечность. Здесь все было зелено – трава, тина, деревья, трясина, даже полная луна, что светила на небе, казалась зеленоватой от испарений болотного газа.

– Ну, почему ведьмы постоянно забираются в такую даль! – ворчал брат Михаил.

– Потому что прячутся от таких, как мы. В отличие от вампиров, им не нужна кровь, а значит и необходимости жить рядом с людьми нет.

– И кому помешала эта болотная ведьма? Живет себе на болоте, лягушек жрет...

– Господу Богу своим омерзительная колдовством, – заметила сестра Мария, – не говоря уже о том, что весьма вероятно, что именно она наслала ту катастрофу на Новый Орлеан.

– Не знаю, я готов поверить в естественные причины катастрофы.

– Тем не менее, не проведя дознание, мы не узнаем истины. К тому же, несколько провидиц указало на высокую вероятность аномальных причин той трагедии. А это – единственная достаточно могущественная и древняя ведьма в округе, что бы ей хватило сил на такое сильное колдовство, как управление водной стихией в таких масштабах.

– Почему ты такая серьезная? – брат Майкл неожиданно обнял сестру Марию.

– Майкл, отстань, а то пожалуюсь отцу Теодору, – улыбнулась Мария, глядя в зеленые глаза брата Майкла.

– Скажи, а если серьезно, если бы не обет, у нас бы могло что-то получиться?

– Мы оба знаем, что этого «если бы» не будет, да и не может быть в принципе. Мы с тобой – воины Господни, рыцари Ордена архангела Михаила. И наши обеты – преграда между нашими душами и мраком, к которому нам приходится прикасаться каждый день и каждый час, ведь никто кроме нас не защитит людей от созданий, что приходят в ночи.

– А нужна ли эта преграда?

– В каком смысле?

– Мы так боимся пустить этот мрак в себя... Но ведь... мы и сами давно уже не люди. Разве существ с нашими способностями можно назвать людьми?

– Майкл, ты уходишь в ересь!

– Вот скажи мне, Мария, если бы оказалось, что близкий тебе человек стал одним из этих созданий. И уже нельзя обратить его обратно. Что, ты бы смогла его убить?

– Майкл, у нас нет близких. Именно по названной тобой причине в Орден берут только сирот. И мы воспитываемся в уединении от всего мирского.

– Разве я не близкий для тебя человек?

– Майкл?!

Его зеленые глаза все так же спокойно смотрели на неё, но тело покрывалось шерстью, а морда начала приобретать волчьи черты.

Мария проснулась в холодном поту. Этот кошмар снился ей каждую ночь вот уже десять лет. Ну, кроме тех ночей, когда битвы со злом слишком сильно изматывали её, и она вырубалась в сон без сновидений.

Она винила себя в том, что не заметила, что оборотень укусил брата Майкла. Она винила себя в том, что не видела изменений в нем в течении следующих двух недель, что прошли до первого полнолуния. Она винила себя в том, что убила единственного человека в своей жизни, которого любила. Пусть это чувство и было грехом.

Отец Теодор дольше обычного уговаривал её взять с собой на это задание напарника. Его можно было понять, суккубы крайне опасны своей силой соблазнять людские души, но именно поэтому сестра Мария наотрез отказалась от напарника и в этот раз. Ей было достаточно один раз получить удар в спину, чтобы точно знать – любой может пасть на темную сторону. Тем более, когда имеешь дело с суккубами.

В ночном клубе, что был прикрытием для борделя, который контролировала суккуб, сестру Марию приняли за одну из проституток из-за одежды монашки. Она хотела было показать этим сластолюбцам, что к чему, но остановила этот душевный порыв, понимая, что избивение хрупкой на вид девушкой нескольких амбалов привлечет внимание и спугнет суккуба, и ищи его потом свищи по всему штату, а может и миру.

Поэтому, идя в монашеской рясе через освещенный красным неоном клуб и стараясь не смотреть на танцующих стриптиз красоток, сестра Мария проследовала в приватную комнату.

Та была оформлена так же в красных тонах, повсюду был красный шелк.

Привязанный к кровати мужчина, увидев сестру Марию, весело спросил:

– О, а монашка – это бесплатное дополнение к демону? – но в этот момент суккуб заткнула ему рот тряпкой и повернулась к монашке.

Рыжая бестия была нечеловечески красива. Даже рога («интересно, а клиент в курсе, что они настоящие?» – подумала Мария) не портили, а скорее, напротив, подчеркивали её нечеловеческую красоту. Суккуб была абсолютно голой, не считая красных кожаных сапог, перчаток и полумаски, а так же такого же красного и кожаного кнута в руках.

Она улыбнулась своими полными и ярко накрашенными губами и спросила:

– Ты пришла убить меня, я так понимаю?

– Да.

– Интересно, а свидетеля ты убьешь или не осмелишься тронуть «невинную душу»?

– Он уже давно не невинен, судя по тому, что находится здесь. Да и какой он свидетель, кто поверит в рассказы про битву монашки и демона?

– Не будет никакой битвы.

– В смысле?

– Я не собираюсь с тобой сражаться. Хочешь убить меня – убивай. И он увидит, как женщина в костюме монашки убила проститутку. Видимо из-за оскорбления чувств верующих, не иначе. И никаких пламенных кнутов, демонского обличья и всего такого. Только ты, твое оружие и моя кровь на полу. И свидетель, который уже внимательно рассмотрел твое лицо. Ты готова убить того, кто не сопротивляется?

Монашка стояла в замешательстве.

– Но... Я же убью тебя! Разве ты не хочешь жить?

– Хочу. Но я не хочу убивать. Я никого не убивала в своей жизни и не собираюсь этого когда-либо делать.

– Но ты же высасываешь из своих жертв жизненные соки!

– Я думаю, мои жертвы только довольны, что у них сосут разного рода соки, – ухмыльнулась суккуб, – и до смерти я ещё пока никого не засосала. Да, усталость, больная голова, но полученное удовольствие это вполне компенсирует.

– Я не верю твоим лживым словам, отродье мрака!

– Может у тебя есть доказательства, что я хоть раз в жизни хоть кого-то убила? Или в вашей организации не принято доказывать вину тех, кто отличается от простых людей?

– Твое колдовство противно Богу!

– Мое колдовство – это доставшаяся от рождения красота и необходимость заниматься сексом, чтобы не умереть. Если Богу это противно, может у меня отобрать и то, и другое, мне будет жить сильно проще от этого.

– Твоим чарам не овладеть моим разумом!

– У вас в церкви факты о себе называют чарами? Интересно, а как вы Википедию читаете? Или она тоже – бесовская сила? Как и весь Интернет?

– Хватит! – сестра Мария выхватила меч, – сейчас я убью тебя!

– Убивай. Тебе же не впервой убивать тех, кто тебе ничего не сделал, а лишь хотел открыть тебе глаза на правду. Как его звали, брат Майкл, верно?

– Откуда?..

– Ну, я же демон, как ты помнишь. У каждого свои способности. Ты – нечеловечески быстра и сильна. Я – нечеловечески красива и проницательна. Майкл твой вон в волка превращался в полночь полнолуния. Каждому свою. Вот только почему-то на одних устраивают

охоту, а другие сидят себе на цепи и виляют хвостом, радуясь, что их руками убивают тех, от кого они уже сами мало чем отличаются.

– Мои способности – от Господа Бога!

– А ещё алхимических составов и особых тренировок. Я уже не говорю о заговоренном оружии. Да и каждый бой с созданиями мрака немного изменяет тебя саму, не так ли? Очень похоже на Дар Божий. Это же совсем не то же самое, что родиться с рогами, огромной грудью и необходимостью с раннего детства регулярно заниматься сексом, чтобы не умереть от истощения.

Мария бросила меч и залилась слезами.

Суккуб обняла её со спины и поцеловала в ушко.

Город погрузился в непроглядно черную ночь.

Брат Джон осторожно шел по кладбищу, которое и без ночной темноты было довольно мрачным, сейчас же, когда черные тучи скрыли звезды и тонкий серп новой луны, темнота и какая-то неестественная безмолвность заставляли тревожно стучать даже сердце повидавшего разное рыцаря Ордена архангела Михаила.

Она выскочила из темноты. Красивая женская фигура в обтягивающем латексном фетиш-костюме монашки. Её бледно-белая кожа и синие, как лёд, глаза лишь подчеркивали мрачный образ.

Она ухмыльнулась,хватила меч и атаковала брата Джона.

Схватка была яростной, но очень быстрой, а потому недолгой. Ослабленный заклинанием ужаса, которому Мария научилась у демонов, брат Джон не был готов к тому, что его враг знает все приемы рыцарей Ордена. Мария же тщательно готовилась к этому бою.

И вот, голова монаха покатила по земле. Мария вытерла казавшуюся в темноте черной кровь с меча и направилась к большому склепу, что был в самом сердце кладбища. Некромант должен был хорошо ей заплатить за охрану во время его богомерзкого ритуала.

Из-за туч выглянула нарождающаяся луна.

ЭТЮД В ЖЕЛТЫХ ТОНАХ

- Бальзам «Фернет», смешанный с кока-колой!
- Довольно необычный заказ, – отозвался бармен.
- Пристрастился к этому напитку, когда жил в Аргентине, – отозвался детектив Филлипс, – там он очень популярен.
- Я думал, что в Аргентине предпочитают вино.
- Это во всем мире предпочитают аргентинское вино, а сами аргентинцы любят бальзам «Фернет», смешанный с кока-колой.
- Буду знать, спасибо за интересную информацию. Направляетесь в Леннокс Асэйлум?
- Как вы догадались?
- Об убийстве знает вся округа, а ваш полицейский значок я сразу заметил.
- Глаз наметанный?
- Не без этого, – хитро ухмыльнулся бармен, потирая наколку, что виднелась из-под засученного рукава.
- Вы надеюсь не плюнули мне в коктейль из-за своего прошлого?
- О, что вы, у меня нет претензий к полицейским! Напротив, хорошо, что мне мозги вправили! Я попал-то, когда совсем мелкий был, попался бы годом раньше – по малолетке бы пошел. Мелкая кража, ничего серьезного. Но тюрьма мне здорово мозг вправила, так что с тех пор я уже пятнадцать лет веду честную жизнь, чем весьма доволен! Ну, почти честную, – ухмыльнулся бармен, – но вы же по уголовным делам, а не экономическим?
- Хе-хе, это да, – усмехнулся Говард, которому бармен нравился все больше, – вообще, а что в округе говорят об этом деле?
- Да, ничего. Ваши-то, как утром труп нашли, все оцепили, и никаких слухов. Так что вы, небось, больше меня знаете.
- А вообще, что о психушке говорят?
- Странное это место... но на то ведь она и психушка, чтобы быть странным местом, так ведь? Разные ходят байки, но вы же не фольклор местный собираете. А по делу, пожалуй, что и ничего.
- Ну, ладно, вот тебе чаевые за приятную беседу, а я побежал, меня уже заждались в Ленноксе.
- Ах, да!
- Что?
- Вы человек добрый, приятный в общении. Я вам, пожалуй, помогу. Там в больничке алкаш один сидит, старик Джо, ну, полностью его Джозеф Остин Кер зовут. Скажите ему, что вы друг Энрике из бара «Пьяный тролль», он вам точно что-нибудь интересное расскажет. Он всегда в курсе всяких слухов и сплетен. Но сразу предупреждаю, у него специфическое чувство юмора!
- У меня тоже, – улыбнулся детектив, – спасибо за помощь.
- Он оставил ещё двадцатку на столе и поспешил на выход.

Просмотр камер наблюдения ничего не дал – по неизвестной причине они вырубались на десять минут ровно в то время, когда, предположительно, произошло убийство (что навело детектива на мысль, что убийца имеет сообщников среди персонала больницы, хорошо хоть, после убийства тут сразу все оцепили, а ночью все входы и выходы из больницы были перекрыты).

Свидетели тоже не говорили ничего путного, тем более, что некоторые из них, по ощущениям детектива, вообще были не в этом мире.

Тогда детектив и решил воспользоваться помощью бармена по имени Энрике, и вызвал к себе на допрос старика Джо.

Вообще Джозефу Остину Керу, согласно личному делу, было всего 42 года, но он и правда выглядел стариком. Встреть Говард такого на улице, решил бы, что это впадающий в маразм дед лет 70, а то и 80.

«Н-да, хорошая мотивация бросить пить», – подумал про себя детектив, а вслух сказал:

– Вам Энрике из бара «Пьяный тролль» просил привет передать. Мы с ним, кстати, друзья.

– Энрике, который со шрамом, или который одноглазый?

– Нет, мексиканец, шрамов нет, глаза два, полтора десятка лет назад сидел за мелкую кражу, с тех пор на руках наколки.

– Ещё на заднице, но я рад, что вы не на столько друзья, – старик Джо внезапно засмеялся жутким безумным смехом, от которого даже у бывалого детектива слегка екнуло на сердце, – но проверку вы прошли. Ну, что же, друг Энрике – мой друг. А вот эти два хмыря – чьи друзья? – алкаш показал на детектива Фэлкона и доктора Алана.

– Ну, это детектив Фэлкон, мой напарник, у меня от него секретов нету. А это доктор Алан...

– Знаю я его! Вечно хамит и шуток не понимает, – Джо снова засмеялся своим жутким смехом.

– Кер, сейчас в карцер угодите! – пригрозил доктор.

– Пожалуйста, доктор Алан, не угрожайте свидетелю! Джо, если хотите, доктор Алан оставит нас втроем?

– Это недопустимо! – начал было возмущаться доктор, но новая волна смеха Джо прервала его.

– Да, ладно-ладно, я человек законопослушный, мне и от докторишки скрывать нечего. Что, покойным интересуетесь?

– Ну, как вы уже поняли, да.

– Вообще, правильно сделали, что ко мне обратились. Ибо если кто-то вам о покойном и мог бы сказать, так это только я, да ещё двое: Рыжая Мэри и Томми «Сеть». Мы вчетвером ближайшими друзьями были!

Детектив внимательно записал имена друзей покойного в свой блокнот.

– И что же вы можете нам сказать?

– Знаете, детектив, вы любите нуар?

– Простите?

– Нуар любите? Я тут один детектив прочитал недавно. Хочу вам рассказать.

– Кер, нам не до ваших игр! – пригрози доктор Алан.

– Доктор, не вмешивайтесь! – попросил Фэлкон, – не знаю, как ты, Харви, – обратился он к Филлипсу, – а я очень даже люблю нуар!

– Я тоже ничего не имею против старых добрых детективов. И что же за историю ты хочешь рассказать, Джо?

– Это было после войны, в одном очень грязном городе...

На город снова опускались сумерки. Джо всегда казалось странным, почему их считают серыми. Они ведь скорее синие.

Впрочем, в этом городе довольно скоро начинаешь различать лишь все оттенки серого. От пугающей черноты до ледяной белизны. Пусть даже этот серый на деле синий, или какой он там на самом деле.

Джо потягивал уже пятую рюмку виски сидя в дешевом баре, освещенном лишь синей неоновой вывеской. День был полное дерьмо. Клиентов нет, денег тоже нет, долги растут, за офис он не платил уже практически полгода...

В этот момент к нему подседа Мэри.

– Денег нет, – отрезал он проститутке.

– Да, знаю я, что у тебя вечно нет денег! У меня для тебя есть интересная новость!

– Что за новость?

– Был у меня на днях один солидный клиент... Ему нужны твои услуги.

– Что за клиент?

– Ну, знаешь, жизнь приличной девушки требует многих трат...

– Сколько?

– Десять процентов от заказа.

– Ха! Пять, не больше! И то, исключительно за твои красивые глаза и прочие выпуклости!

– Не хамил бы ты мне! Семь процентов.

– Шесть.

– По рукам. Звать этого солидного дядьку доктором Крамером.

– Главврач Леннокса?

– Слышал о нем?

– Было одно дельце...

– Короче, в его психушке парня кокнули. А у Крамера в больнице и так не все чисто, ему к черту не сдалось, чтобы там копы ошивались. Вот он и подыскивает сговорчивого парня, который и убийство раскроет по-скорее, и глаза на что надо закроет.

– Ну, в том дельце я много на что закрыл глаза, так что он может не беспокоиться... Сколько платит?

– Три сотни, плюс накладные расходы.

– Ага! Ну, что же, поедем к нему!

Доктор Крамер выглядел как типичный старый немецкий бургер... Которым, собственно, и был. Переехал в Америку из Германии. По его словам, во время войны он бежал от нацистов, но по данным Кера он бежал уже после войны, и убежал он отнюдь не от нацистов, скорее совсем даже наоборот.

Впрочем, детектива Кера это не касалось, как и то, сколько препаратов, купленных за казенный счет, попадало к торговцам наркотиками на улицах.

Кер посмотрел своими синими, как лед, глазами, прямо в пороссячи глазки Крамера.

– Итак, что вы можете сказать об этом деле? И да, я имею ввиду, что вы можете сказать мне, частному лицу, умеющему хранить секреты, а не полиции.

– Короче, парень был не совсем простой. Мы тут кое-какие эксперименты ставим...

– Не сильно законные, я так понимаю?

– Поверь, Кер, ты ничего не хочешь знать о том, насколько они незаконные! Так вот, в его организме обнаружили один токсин из числа тех... что мы тут не совсем законно разрабатываем. И я точно знаю, что ему его давать были не должны. Его токсичность я ещё в Германии установил, и здесь его пациентам не давал, так, продавал иногда на сторону... Ну, ты помнишь то дело, верно?

– Ага, – Джо куда лучше помнил, сколько Король и его шайка заплатили ему, чтобы Джо об этом токсине никогда не вспоминал, – такое трудно забыть.

– Но это не самое странное! Рядом с телом лежала таблетка!

– Этот же токсин?

– Нет! Один галлюциноген... Его разработал один мой швейцарский друг. Это дерьмо может стать очень ценным через какое-то время, когда Король выпустит его на рынок!

– Спасибо, доктор, вы, как всегда, очень любезны, – ухмыльнулась Мэри, положив ногу на ногу.

– Хорошо, если все так, думаю вы, миссис Уотсон, не откажитесь от сотрудничества со следствием. Тем более, это может положительно сказаться на вашем скорейшем освобождении.

– О, это было бы просто замечательно! Но, есть одна проблема...

– Какая же?

– Скажем так... Я знаю информацию, которая может вам помочь, но... опасаясь её говорить. В дело замешаны весьма могущественные силы.

– Даже так? – «похоже, паранойя у неё отнюдь не прошла, чтобы так не говорил этот любитель минетов Алан», – подумал он про себя, но вслух сказал, – и что же нам тогда делать?

– Знаете, я тут на днях читала один готический роман... Хотите расскажу вам его?

– Да тут похоже традиция, читать книги и пересказывать их содержание на допросе, – ухмыльнулся Говард, – ну, давайте.

– Это было в век, когда свет разума стремительно приближался в своему величайшему триумфу, но ещё не разогнал тьму суеверий...

Кармила смахнула с губ красную капельку.

– Кровь и вино, что может быть лучшим сочетанием?!

Блондинка, чей рот был заткнут красной тряпкой, а сама она была привязана к креслу шелковыми жгутами, испуганно замычала, отрицательно мотая головой. Её можно было понять, ведь с вином была смешана именно её кровь.

Доктор Андерсон же был безучастен. Как, впрочем и всегда.

«Его спокойствие кажется таким неестественно ледяным, что я почти уверен, что внутри у него бурлит пламя, способное сжечь целый мир», – очередной раз подумала Кармила.

– Как ваши эксперименты, доктор?

– Вы отлично знаете, что я не могу вам об этом рассказать. Доктор Крамер будет недоволен.

– Никогда не понимала, почему главный он, а не вы. Этот немецкий боров туп, как пробка, и лишь присваивает ваши достижения!

– Я решу эту проблему без вашей помощи, – не меняя интонации в голосе и не отрывая глаз от чтения книги ответил Андерсон, – вы пригласили меня только затем, чтобы попробовать, как изменится вкус крови, если вколоть жертве морфий? Он лежит перед вами, можете попробовать. Но, в целом, можно было воспользоваться посыльным, а не отрывать меня от моей работы.

– Меня больше интересует, что с тем делом...

– Вы не поверите, как меня утомили ваши бредни. Нет, наука не может оживить вашего любимого. Да, мой друг по переписке из Женевы весьма оптимистично настроен относительно гальваники, но с учетом обстоятельств смерти вашего друга...

– То есть, вы ничем не можете мне помочь? Поверьте, доктор, моих капиталов достаточно, чтобы высыпать вам гору рубинов по вашему весу, если вы поможете мне! Я испробовала все, и мистику, и науку!..

– Да, я вижу, – доктор неодобрительно посмотрел на все ещё мычащую связанную девушку, – к чему вас привела эта ваша мистика... Так или иначе, не скажу про мистику, а наука не может решить вашу проблему. Впрочем...

– Да, доктор?

– Есть один шарлатан... В трущобах Ист-Энда его именуют Королем. Для этих крыс он пожалуй, действительно Король... Пара бездомных, которых мы нанимали для испытания

наших с доктором Крамером препаратов утверждают, что, возможно, Король способен на что-то такое, что может вам помочь.

Кармила поцеловала доктора Андерсона своими полными алыми губами. От радости на её бледном лице аж выступил румянец. Доктор Андерсон, впрочем, оставался, как всегда, холодным и безучастным.

– Спасибо, спасибо доктор! Я думаю, это кольцо, – она протянула ему перстень с огромным рубином, – будет достойной благодарностью за вашу помощь! И да, на выходе скажите Алану адрес этого Короля, и пусть готовит мой экипаж, я отправляюсь туда немедленно!

– Не забудьте сначала завершить свои дела с этой милой особой, – ответил доктор и направился к выходу.

Кармила вколола девушке морфий, а затем впила клыками ей в глотку, начав пить кровь прямо так, а не через шприц, как обычно.

Кармила презирала Алана всеми фибрами своей души. Уродец был просто омерзительен, но, стоило признать, очень полезен в темных делишках. А так как он был без памяти влюблен в Кармиллу, леди Уотсон использовала его, фактически, как раба. Вот и сейчас он, сидя напротив неё в экипаже, смотрит на неё, словно собака, чуть ли не слюни пускает.

Чтобы не смотреть на него, леди Уотсон разглядывала портрет в медальоне. Это было все, что осталось у неё от её любимого. Такая нелепая смерть...

Они приехали. Место было настоящей помойкой... Вполне вероятно, в буквальном смысле. В темноте, к счастью, было точно не разобрать.

Весь пустырь освещался лишь алым пламенем факелов. В тени копошились какие-то омерзительные фигуры. Прямо же напротив их экипажа, в другом конце пустыря, на собранном из какого-то мусора троне сидела фигура в желтом плаще и желтой маске.

– Склоните колени перед Королем! – велел им громоподобный голос.

– Леди Уотсон ни перед кем не склонит коленей! – пролепетал Алан, но Кармила схватила его за шкуру, и впила ногтями в загривок шеи. От боли он сел на колени.

– Склонения колен моего раба достаточно?

– Да. Столько достойной особе, как вы, леди Уотсон, можно и не склонять своих колен, – раздался все тот же голос.

– Вы знаете мое имя?

– Мне ведомы все тайны мироздания, в том числе та, что так вас интересует.

– Что вы хотите за эти тайны?

– Тайны нельзя купить. Их можно выиграть. Но ставка в таких играх – жизнь.

– Поясните?

– Подойдите ко мне! – велел голос.

Кармила и вставший с колен Алан подошли к фигуре в желтом.

– На столе перед вами две таблетки. В одной из них смерть. В другой – великие знания, в том числе те, что дают власть над смертью. Каждый из вас должен выпить по таблетке, не зная, в какой что. И учтите, от яда, что в таблетке со смертью, не спасет даже власть над смертью, что заключена во второй. Выбирайте с умом.

Кармила задумалась. Она выбрала таблетку слева, а Алану велела выпить ту, что лежала справа.

Через мгновение уродец покраснел, начал задыхаться, а затем повалился на землю замертво.

Глаза леди Уотсон налились красным. Она почувствовала, как в её венах с кровью потекло пламя великой мощи. Теперь она вырвет любимого из лап смерти!

Фигура в желтом лишь хохотала.

– Так, стоп, вы же не будете утверждать, что доктор Алан мертв?! – закричал Говард.
– Э-э-э-э-эм, Харви, с тобой все в порядке? – спросил Макс.
– А! Что?! Где этот докторишка?!
– Харви, мы прибыли в больницу расследовать в том числе его смерть. Тройное убийство, трупы нашли...
– Что за чертовщина здесь твориться, он же только что стоял тут?!
– Доктор Эдгар Алан уже несколько часов как мертв!
– Что ты с ним сделала?! – Говард бросился на женщину.
– Так, Харви, это уже ни в какие ворота не лезет, – Макс оторвал напарника от свидетельницы.
– Поговорите с Томми «Сетью». А я вам за такое хамство больше ничего не скажу без адвоката, – женщина рассмеялась, потрясая своей рыжей шевелюрой, что от этого ещё больше напоминала пламя.

– Так, Харви, я тебя уважаю, но если такая фигня повторится, я напишу рапорт, чтобы тебя отстранили от дела, хоть ты мне и друг!
– Да, да, Макс, я понимаю... Давай поскорее поговорим с этим Томми, я хочу поскорее покончить с этим делом... Тут твориться какая-то чертовщина...
– Тут не все так просто. Дело в том, что Томас Андерсон – савант.
– Савант?
– Да, гений, чья гениальность компенсируется психологическими проблемами. Помнишь фильм «Человек дождя»?
– Ок... И что?
– Короче, по-осторожнее с ним. Его курируют люди с самого верха, он, хоть и лечится здесь, но проводит в лаборатории больницы какие-то важные эксперименты для правительства... Короче, если будет как с той рыжей, у нас будут огромные проблемы!
– Ладно, хорошо, пошли к нему!

Томас Андерсон действительно напоминал своего тезку из известного фильма. Когда детективы зашли в его палату, он что-то печатал на своем ноутбуке. Впрочем, после их прихода, он этого делать не перестал. Он вообще никак не отреагировал на приход детективов.

На шее у него висел кулон в виде стилизованного под микросхему паука.
«Видимо, поэтому и Сеть», – отметил про себя Говард.
– Томас?
– Можете называть меня Сеть. Ну, или Томми Сеть, как меня называют все в больнице, – не отрываясь от монитора ответил им савант.
– Мы хотели поговорить по поводу убийств...
– Хорошо, я расскажу вам одну историю...
– Так, черт подери, никаких больше историй! – закричал Говард.
Макс силком оттащил его к стене.
– Ты что творишь?! – зашипел он на напарника шепотом, – совсем своего бальзама перепил?!
– Макс, тут творится какая-то чертовщина! Сейчас он расскажет историю, и окажется, что трупов уже не три, а четыре!
– Не пори чепухи! И учти, после допроса у нас будет очень серьезный разговор на тему алкоголя, – раздраженно отрезал Макс, – итак, что за история, мистер Андерсон? – спросил он, повернувшись к свидетелю.
– Просто Сеть. Тем более, что именно в Сети все и началось...

Томми бродил по просторам Паутины, ища хоть что-нибудь интересное в зеленых строках окружающей его матрицы. Жизнь становится довольно скучной, когда твоих хакерских навыков достаточно, чтобы создать себе бесконечную кредитную карточку и жить за счет идиотов из банка.

Неожиданно ему поступил входящий вызов. Звонил Джокер, барыга, через которого Сеть покупал нелегальные импланты и кое-какой софт.

– Сеть бродит по Сети? – Джокер, как всегда, рассмеялся своим жутко неприятным смехом.

Но Томми, как всегда, никак не отреагировал на это.

– У тебя есть какое-то дело?

– Да, ты что, у меня в жизни не хватит денег, чтобы обращаться к тебе со своими делами!

Но есть кое-что, что может заинтересовать тебя!

– Очень сильно сомневаюсь.

– Слушай, я знаю, что ты очень депрессируешь в последнее время от скуки... Но тут кое-что действительно интересное!

– Давай скорее, не люблю, когда у меня отнимают время.

– Лови файл!

Сеть принял посланный файл и открыл его, предварительно проверив на вирусы.

Неожиданно ровные зеленые линии виртуального пространства начали искажаться, словно что-то пыталось их порвать. Искажения были все сильнее и сильнее, Сеть уже хотел остановить файл, как вдруг пространство прорвало, и его озарил желтый свет...

– Что это?

– Ты заинтересован? – ухмыльнулся Джокер.

– Если бы это не показалось мне интересным, я бы не спросил, что это. Итак, что это?

– Всего лишь демо-версия штуки, которая может перевернуть мир! Вот только одна беда, сама эта штука храниться на серверах одной швейцарской корпорации...

– И ты хочешь, чтобы я взломал этот сервер и украл её?

– Ага! Сам понимаешь, с этим мы сможем перевернуть мир! А корпораты, если у них это не украсть, как всегда, закилят её себе, давая доступ лишь богатеям!

– Информация должна быть доступной, тем более, такая информация... Хорошо, я возьмусь за это дело. Но мне нужен напарник. Сам понимаешь, к серверам такого уровня не подключиться через Паутину, нужно подключиться напрямую к локальной сети, а для этого мне нужен боевик.

– Ну, есть один на примете. Слышал о Соколе?

– Да, говорят, он неплох.

– Он кое-что мне задолжал... Так что, думаю, не будет проблем с наймом.

– Отлично, на том и сойдемся.

– Твоя задача предельно проста. Защищать мое физическое тело, пока мой разум взламывает сервер.

– Не учи ученого, – отозвался Сокол.

– Хорошо, и помни главное. Ни в коем случае не вытаскивай меня из сети раньше, чем сработает вот этот таймер. Ты сожжешь мне мозг!

– Даже если тут будет армагеддон, я не потревожу ваше величество, не боись! Буду отстреливаться от ботов столько, сколько потребуется!

– Хорошо, я погружаюсь!

И снова зеленые линии виртуальной матрицы. Сеть осторожно двигался вперед.

«О, да тут черный лёд! Не очень хорошо!» – подумал он, – «а это ещё что?»

Впереди было нечто необычное. Между тем местом, где стоял он, и директорией, в которую ему нужно было попасть, была натянута желтая нить. С одной стороны от неё был черный лёд, защитный софт, который превращал в овощ любого неудачливого хакера, что в него попадал, а с другой горело странное зеленое пламя.

«Что бы это ни было, это не выглядит, как что-то безопасное. Ладно, прорвемся!»

Активировав пару программ, Сеть сумел относительно обезопасить свое шагание по тонкой желтой линии.

– Ты хорош, – заметил громоподобный голос откуда-то сверху.

«Нет-нет-нет, только не это!»

Лёд и пламя исчезли, а желтая линия уткнулась из-под ног Томаса, превратившись в фигуру в желтом, что стояла перед ним.

– ИскИн? Они поставили на защиту системы ИскИн?!

– Зови меня Король. Ты интересный.

– Мне теперь конец?

– Все это только начало. Обычно люди выбирают вслепую. Но ты достаточно интересен, чтобы выбрать в открытую.

– Выбрать что?

– Сейчас мои дроны подлетают к твоему телу и охраняющему его боевику, – Король взмахнул рукой, и перед Томми появился экран, на котором он увидел свое тело и Сокола, – твоему партнеру в любом случае конец. А у тебя есть выбор. Либо тебя обработают кое-чем, – в руке Короля появилось зеленое пламя, – ты останешься жив, но уже никогда не сможешь погрузиться в сеть, либо, – во второй руке Короля возник лёд, но сейчас Томми разглядел, что это был нестандартный черный лёд, в нем сверкали странные зеленые искры, – твое тело погибнет, но душа останется в виртуальности. А потом я проведу тебя к тому, что ты так искал. Что ты выберешь?

– Для меня реальна лишь Сеть. Мир за её пределами... Я не верю в него. Он слишком блеклый. Я выбираю второе.

– Верный выбор. Ведь весь мир – это лишь Сеть, за пределами которой ничего нет!

Последнее, что увидел Сеть перед тем, как желтое свечение целиком поглотило его, было, как дроны расстреливают Сокола...

– Нет! Нет-нет-нет! – закричал Говард.

Он повернулся в сторону, где стоял Макс, и увидел там именно то, что так боялся увидеть. Расстрелянное тело своего друга. Он потрогал его, и понял по окоченению, что Фэлкон умер несколько часов назад.

– Как вы это делаете?! Что здесь вообще происходит?!

– Вас интересует реальность или истина?

– Меня интересует, что здесь случилось на самом деле! – Говард выхватил пистолет, – выкладывай мне всю правду! Как вы убили четверых человек?!

– Убито не четверо, а трое человек. Ваш друг, доктор Алан и доктор Крамер.

– Но... А как же этот бедолага? Как бишь его?..

– Не можете вспомнить имя? Посмотрите в своем блокноте, вы же всегда записываете в него все сведения по делу.

Не опуская пистолет, Говард полез в карман за блокнотом. Открыл первую страницу этого дела...

– Что?! Как это может быть?! Говард Филлипс?! Самоубийство?!

– Итак, вам предстоит выбрать между истиной и реальностью, – Томас выложил перед детективом две таблетки, – в реальности, несколько часов назад вы отравили доктора Крамера, так как в Аргентине нашли сведения о том, что именно он полвека с лишним назад ставил ужасные эксперименты над заключенными концлагеря, в том числе над вашим дедом, после чего бежал сначала в Аргентину, а затем в США. Вы заставили его принять тот самый препарат, который он испытывал на вашем деду. А затем по документам поняли, что он ставил такие же эксперименты и здесь, в Ленноксе, и заставили проглотить таблетку и его заместителя, доктора Алана. Узнав, что я так же участвовал в их деятельности в качестве исследователя, вы ворвались сюда, но персонал уже вызвал полицию. Ваш друг, Макс Фэлкон пытался вас остановить, но вы застрелили его. И уже несколько часов держите меня в заложника, пока под дверью стоит полиция. Ну или кого там прислали мои кураторы? А сейчас, понимая безвыходность ситуации, вы примите яд сами. Так будет, если вы примите эту таблетку.

– А если эту?

– Тогда реальность не будет иметь значения. Потому что вы узнаете истину, – глаза Томаса загорелись желтым, и, смотря в них, детектив увидел фигуру Короля в Желтом.

Тот приблизился к нему и прошептал всего несколько слов. Самый верхний слой истины, её демо-версию, так сказать.

Видение пропало.

– Итак, хотите ли вы узнать истину, первые слова которой вы только что услышали, слова, которых достаточно, чтобы перевернуть мир, но которые – лишь ничтожная поверхность того, что скрыто в глубине. Или предпочтете реальность, ведь какой бы ужасной она ни была, именно она – тот спасательный круг, что не дает людям утонуть в истине, которую они так боятся? Что вы выбираете?

Детектив Говард Филлипс схватил таблетку и проглотил её.

Полиция ворвалась, наконец, в комнату, но было уже поздно...

Тот, Кто Ходит по Болотам

Весна. Все оживает. Мертвые поднимаются из могил.

Джозеф ненавидел Юг. Особенно Луизиану.

Он вырос на Аляске и, кто бы что не говорил, считал это лучшим местом на земле.

Может, кому-то и не по нраву аляскинский холод, а Джозеф его очень любил. Как и заснеженные пейзажи его родного штата.

Луизиану же он просто ненавидел. Жара, гнилые болота, малярия, да и население тут на всю голову долбанутое. Что чернокожие, что белые, если эту деревенщину можно считать за полноценных белых людей.

Короче, Джозеф ненавидел место, в которое отправлялся. И ладно бы когда, но ещё в самое отвратительное время года – весной, время болезней и аллергий!

В общем и целом, можно было сказать, что Джозеф Андерсон ехал в свой персональный ад. Но, увы, с руководством не поспоришь. Особенно, с его руководством.

Куратор смотрел на него, как всегда, своими ледяными немигающими глазами.

– Вы желаете оспорить решение нашего руководства? – спросил он своим вежливым, а от того ещё более пугающим голосом.

– Нет, не то что бы я сомневался в их мудрости... Но почему я?!

– Таково решение руководства, – Куратор выразительно посмотрел наверх, – их решение не могу оспорить даже я, и уж, тем более, не вам его оспаривать.

– Неужели послать больше некого? С вашим-то могуществом, и, тем более, с их могуществом!

– У руководства есть причины считать, что именно вы лучше всех справитесь с этим заданием. Разговор окончен. Все необходимые документы в кейсе. Вот ваши билеты. Ваш поезд через час. А мне уже пора, мой поезд вон уже прибывает. Приятной командировки! – попрощался он и пошел в сторону перрона, на который действительно прибывал поезд.

Смотря в окно поезда и вспоминая разговор с Куратором, Джозеф думал о том, что, кажется, те, кого Куратор называл руководством, просто наслаждаются муками людей, даже тех, кто служит им. «Страдания очищают душу» – так ведь гласит одна из заповедей Догмы?

Все это было просто отвратительно... Но, увы, как верно заметил Куратор, с руководством не поспоришь. Увы, при всех их недостатках, они – единственный способ спасти мир от безумия. А конец мира, каким его знает человечество, совсем не входил в планы Джозефа.

«Выгода и личная заинтересованность повышают лояльность куда лучше идеологии и фанатизма», – так он говорил, когда другие борцы с неведомым ставили ему в укор его диссидентствующие размышления о тех силах, которым служили догматики.

Пожалуй, сильнее его размышлений служителей Догмы раздражало лишь то, что их тысячелетние ордена и братства веками борются с силами тьмы, но лишь высшим иерархам да провидцам изредка удается получить Высшую Волю напрямую. Агент Андерсон же был одним из двузначного числа людей в мире, с которыми Куратор общался лично на регулярной основе. Джозеф не знал, как руководство относилось к его мыслям (и судя по тому, что места его командировок с каждым разом были все отвратительнее, у него были подозрения, что не в восторге), но пока эффективность его методов была неоспоримым фактом, всем этим попам и мракобесам приходилось с ним мириться.

Я бреду-бреду-бреду, в Царстве Бреда я бреду и мечту свою плету. Ты плетись-плетись узор, мирозданию укор!

Между тем, поезд прибыл на станцию назначения.

Его встречал некий агент Фергюссон.

Это был коренастый коротышка с залысиной и рыжими усами. Он смешно засеменил к двери, из которой выходил Джозеф.

«Впрочем, может семенит он и смешно, а по кулакам видно, что может одним ударом череп пробить и, судя по всему, нередко это делает», – подумал про себя Андерсон.

Агент Фергюссон, или, как он представился, Фрэнк, был одним из Посвященных сотрудников местного отделения ФБР. Его умение превращаться в бульдога (пусть его официальное руководство об этом умении и не знало) здорово помогало ему в его работе – нюх помогал искать улики, а физическая сила собачьей породы, выведенной для травли быков, помогала в задержании в одиночку особо опасных преступников, пусть этих преступников затем и приходилось убивать «при попытке к бегству», так как они становились свидетелями того, что им совсем не было нужно видеть. Благодаря этому, а так же протекции сил, на которые Догма имеет влияние, Фергюссон занимал весьма высокое положение в местном отделении ФБР, а это было полезно для дела.

– Что говорят внедренные агенты? – спросил Джозеф, когда они уже ехали в машине.

– Да, ничего, – ответил Фрэнк, – сами знаете, у Шабаша структура ещё менее организованная, чем у нас. Так, всего лишь разношерстная шваль из числа объединенных идей своего превосходства над людьми колдунов и ведьм. А у нас они и вовсе сидят по-большой части по болотам, хорошо ещё, если хотя бы мелкими культами, а зачастую и просто по одиночке, и строят планы, ни с кем не сговариваясь. В более-менее крупные ковены, конечно, мы своих людей внедрили, но там все ни сном, ни духом, хотя происходящим и довольны.

– А что Консилиум?

– На Юге умников не любят, поэтому их здесь мало, а те, что есть, в основном сидят в Техасе или во Флориде ракеты в космос пускают. Да, и не их это стиль, сами понимаете.

– Это правда... А местный фольклор?

– Это Луизиана. Плавильный котел сантарии, вуду, сатанизма, болотных ведьм и монстров, а ещё верований изолированных групп каджунов и хиллбилли, погрязших в инцесте, но искренне считающих свое идолопоклончество христианством. В местном фольклоре можно найти вообще все что угодно, причем сразу в символике десятков не связанных друг с другом культов и явлений.

– Н-да, чертова Луизиана... Ладно, а что сейчас местные говорят об этих убийствах?

– Детишки называют убийцу Тот, Кто Ходит по Болотам. Информативно?

– Это все? А баек про то, что у него рога, копыта, все в таком духе?

– Приедем в мой офис, дам вам папку с делом. Там около сотни таких «описаний», противоречащих друг другу, а под час и самим себе.

– В моих документах говорится, что на всех трупах был нарисован знак Короля в Желтом. Это о чем-нибудь говорит с учетом местных особенностей?

– Только, о том, что убийца, может быть, читал Лавкрафта. Причем если бы вместо трех псевдо-спиралей с точками была бы спираль, я бы сказал, что он просто смотрел этот новый сериал про детективов по телеку. Но раз знак правильный, то нет, этот болотный житель даже читать умеет, и книжка у него с иллюстрациями! Докатались, на трупах рисуют знаки из Лавкрафта!

– Не из Лавкрафта, а из Чемберса. Желтый знак придумал он, а Лавкрафт лишь затем заимствовал его вместе с образом Хастура. А самого Хастура придумал Амброз Бирс.

– Очень познавательно. Мне это прикладное литературоведение к делу пришить?

– Не огрызайся. Ладно, давай посмотрим документы в твоём офисе, а затем поедём в морг, хочу взглянуть на тела. Их же ещё не все кремировали?

– Нет, последние два нашли на неделе. А по поводу остальных можете поговорить с доктором Крисом, их все он вскрывал.

– Посвященный?

– Нет, конечно.

– Жаль.

Почему они такие глупые? Это же такие простые истории... Почему они все равно погибают? Неужели все людишки так глупы, что не могут победить даже самое банальное зло?

– То есть, их всех убили разным почерком?

– Да. Общего только то, что на телах нарисован этот самый знак. А так да, Джулия Корниш порвана на кусочки, причем на кусках следы подгнивших зубов как минимум десяти разных человек, Сэма Смита, судя по всему, травил волком или крупной собакой, у Аманды ЛеФлер следы засосо-образного укуса на шее и выкачана вся кровь, у Мэтта Бувье следы веревок на запястьях и лодыжках и вскрытая ножом брюшная полость, что убило Луи Делапорта вообще непонятно, у него сердечный приступ и поседевшие волосы, словно его что-то смертельно напугало. Тела Мелиссы ЛеГолль и неопознанной пока девушки вы и сами видели – удар тяжелым острым предметом колоссальных размеров, так что он перерубил тело напополам с одного удара, и утопление в воде.

– Зомби, оборотень, вампир, сатанисты, привидение, пирамидоголовый и водяной. Убийца явно большой поклонник хорроров.

– Вы, я погляжу, тоже.

– Работа обязывает. Ладно, я пойду опрошу родственников жертв. Как будет опознана последняя жертва, сообщите агенту Фергюссону, он передаст это мне.

– Итак, жертв объединяет только то, что это молодые люди от 14 до 25 лет и перед смертью они гуляли по болотам. Причем, не смотря на ужасные способы убийства, никаких криков вокруг никто не слышал, хотя, судя по всему, их убивали именно там, где обнаружены тела.

– Именно так.

– Почему в этих краях никто не перестал гулять по вечерам на болотах, если начались убийства?!

– Ну, родители перестали выпускать детей уже после третьего убийства. Поэтому последние четверо – совершеннолетние люди...

– С суицидальными наклонностями.

– Да нет, просто это Луизиана. Тем более, из этих четверых трое были каджунами, да и, сдается мне, неопознанная девушка тоже из них, а эти ребята на всю голову долбанутые даже по местным меркам. Любят пощекотать себе нервы. Так почему бы не прогуляться с ружьем вечером по болоту, где поселился маньяк?

– Не очень-то их эти ружья спасли.

– Долбанутые, говорю же.

Дар Короля в Желтом не приносит мне счастья... Я отдал рассудок за могущество, но меня не осчастливило ни могущество, ни безумие... Впрочем, раньше я тоже не был счастливым. Может этот мир вообще не создан для счастья? Может пора его изменить? Жаль, из-за этих нелепых людишек это не под силу даже самому Королю в Желтом... НЕНАВИЖУ! Пора на охоту.

– У меня для вас две новости! Во-первых, опознали седьмую жертву, это Абигейл Хоббс, я, кстати, ошибся, она не каджулка, просто из хиллбилли. Во-вторых, нашел восьмую жертву.

– И как же она умерла?

– Шериф сказал, что нам лучше приехать на место и посмотреть все самим. Он не нашел слов, чтобы описать это все.

– Разрыв ануса, разрыв ротовой полости, разрыв... Короче, её изнасиловали во все щели, причем каждый из предметов изнасилования был пару футов длиной минимум и где-то пять дюймов в диаметре. Я ничего не упустил? – спросил Андерсон, дочитав отчет патологоанатома.

– Ну, ещё во всех точках изнасилования обнаружена странная зеленоватая слизь. И следы от присосок.

– Короче, парень любит не только хорроры, но и хентай.

– Хен-что?

– Поверьте, доктор, в вашем возрасте лучше этого не знать.

– И как он только это делает?!

– Честно говоря, думаю, этого вам тоже лучше не знать, – ухмыльнулся Андерсон.

– Ему же затрут память после этого дела?

– Мы вообще думаем, не сделать ли это сейчас. А то и сойти с ума может от лишних подробностей.

– Вредно для дела, сам понимаешь, все тела одного дела лучше вскрывать одному человеку.

– Можно подумать, в этом деле это поможет.

– Кто знает, кто знает... Ладно, есть у меня один план. Но давай сначала заедем в какой-нибудь фаст-фуд перекусить?

– Вы после морга хотите перекусить?

– Не знаю, на мой взгляд, это все предрассудки. Сейчас полдень, а я привык в полдень устраивать себе ланч. Не отменять же любимую традицию из-за каких-то убийств?

– Вы круты! – уважительно покивал головой Фергюссон.

– За это меня и держат, – улыбнулся в ответ Андерсон.

Хороший рассказчик тухнет без хороших слушателей... Король в Желтом, ты ждешь меня?

Джозеф поправил грудь. Он любил перевоплощаться, особенно, когда ловил преступников на живца. А перевоплощаться в юных девушек, особенно по-симпатичнее, он любил перевоплощаться ещё больше, пусть это пристрастие и не одобрили бы многие догматики.

«Все-таки, быть одним из немногих обладателей сверх-способностей – очень круто. И ключевое слово тут „немногих“. Потому идеалисты из Консилиума пусть горят в аду!» – подумал он, посмотрев ещё раз в зеркальце из косметички.

Он создал образ симпатичной девушки с фермы. Джинсовый комбинезон практически на голое тело, соломенная шляпа и древнее раздолбанное ружье прилагались.

Он гулял по болотам уже где-то час, когда встретил его.

Убийца сидел у костра. Джозеф сразу понял, что это именно тот, кого он ищет.

Мутные глаза, уже начавшие превращаться в когти ногти на руках и ногах, болезненно-желтоватый оттенок кожи, обострившиеся клыки, которые Андерсон увидел, когда убийца улыбнулся, увидев девушку. Колдун явно был начинающим, да и работал с жертвами один на один, поэтому походил на пусть и уродливого (как и многие в этой округе из-за массовых инцестов), но все же человека, но проклятье ни с чем не спутаешь.

«Не удивлюсь, если через пару убийств у тебя под шляпой рога начнут расти. Впрочем, не будет больше убийств», – подумал агент.

– О, милая девушка, а что же ты в такой поздний час бродишь по болотам? Убийца же бродит по округе!

– А может, я и есть этот убийца? Никто же не видел Того, Кто Бродит по Болотам, может это женщина!

Урод рассмеялся.

– Ладно, присаживайся к костру. Угощу тебя грибами.

– Присесть присяду, но грибы есть не буду. Может ты и есть тот убийца? Ты учти, это я с виду девушка хрупкая, но со ста футов из ружья белке глаза бью!

– Ой, боюсь-боюсь, – улынулся урод, – ну, не хочешь, как хочешь, а я вот грибы с бобам да заточу, – сказал он, снимая с ветки поджарившиеся грибы и кидая их в банку с бобами.

Перемешав он начал их есть.

– Чего сам-то сидишь среди ночи на болоте?

– Охочусь. Хочешь, кстати, историю тебе расскажу?

«Отлично, на приманку ты клюнул. Надо подпустить тебя поближе, чтобы узнать, как ты это делал», – подумал Джозеф.

– Расскажи, делать все равно нечего.

– Хорошо. Как-то раз одна девушка бродила по лесу...

Неожиданно, Джозеф обнаружил себя в темном глухом лесу.

«Ладно, все лучше, чем проклятые луизианские болота», – подумал он.

И вот, в самой гуще леса увидела она огромную паутину.

«Нет, ну, нет, ненавижу пауков!»

Вдали загорелось несколько кроваво-красных паучьих глазок. Судя по всему, паук был где-то размером с быка.

– А двести двадцать не хочешь?! – заорал Джозеф перед тем, как метнуть молнию в сторону чудовища. Но, к его удивлению, из его рук не вылетела молния.

О, я вижу, ты не совсем обычная девушка! Такая же ведьма, как я! Вот только боюсь, это моя история, мой мир, мои законы, и твои силы тут бесполезны!

– Стой! – закричал Джозеф, когда паук начал оплетать его паутиной, – что за банальную ерунду ты рассказываешь? История про огромных пауков – это ещё банальнее, чем про зомби!

«Либо паук сейчас заткнет мне рот паутиной, либо это сработает», – подумал Андерсон, аж вспотев от напряжения.

ЧТО?! Мои истории – самые жуткие в мире! Я рассказываю такие ужасные истории, что сам Король в Желтом одарил меня своим даром!

– Пффффф, даже я могу рассказать куда более страшную историю! Поспорим?

Какой дешевый развод. Тебе нечего поставить в споре со мной.

– Я с тобой пересплю!

«Надеюсь, он сейчас не изнасилует меня огромным пауком, доказывая, что не только моя жизнь, но и мое тело принадлежат ему».

Джозеф обнаружил себя вновь у костра.

«Фух!»

– Ты... серьезно? – убийца покраснел.

«Боже, да он девственник!»

– Абсолютно. Я расскажу тебе историю. Если ты признаешь её страшной, я с тобой пере-
сплю.

– И ты ничего не попросишь взамен?

– Нет.

– И это не подстава в стиле «но, вот только дай мне свою способность рассказывать исто-
рии, чтобы она была такой же страшной, как твои»?

– Нет, потому что ты и так дал мне её, когда использовал на мне! – рассмеялся Андерсон.

– Что?..

И вот, один гнойный уродец оказался прямо посреди ледяной пустоши. Холод пронизывал его одетое в одежды южан тело. Вокруг была лишь снежная пустота. И звездное небо над головой.

– Так нечестно! Тут нет страшных противников! Тут только холод!

*Да, и абсолютная пустота вокруг. Можешь идти в любую сторону. Повсюду лишь
пустота. И холод, что с каждой минутой крепнет все сильнее. У тебя начали отмерзать
пальцы. Ты дуешь на них изо всех сил!..*

– Ты не можешь управлять моими поступками в своей истории!

*Да, пожалуйста! Делай что хочешь. Вокруг пустота. И температура, что опускается
каждую минуту все ниже и ниже. Через час там станет холоднее, чем в ледяном аду. И ты
умрешь. Этот час можешь делать, что угодно. В мире, где есть лишь снег и ветер не из чего
сделать костер, чтобы согреться.*

– Не-е-е-е-е-е-е-е-е-е-ет!

Как и ожидал Джозеф, уродец умер где-то через час. Его посиневшее от холода тело
возникло у костра.

– Отлично, хотя в следующий раз нужно сразу отправлять в космос без скафандра, –
сказал вслух Джозеф, возвращая себе собственное обличье, – надо бы выпить крови, пока
проклятье за это колдовство не накрыло меня...

– Можете не спешить, – из-за дерева вышел Фергюссон.

– Фрэнк? Что ты тут делаешь?

– Понимаете, агент Андерсон, благодаря своему умению перенимать чужие способности,
вы теперь можете создавать новые реальности. А руководство в этом совсем не заинтересо-
вано, – сказал Фрэнк и всадил Джозефу пулю в голову.

Затем он достал мобильник и набрал номер.

– Задание выполнено, господин Куратор!

– Мистер Куратор, не люблю, когда меня называют «господин». Хорошо, теперь вы зани-
маете то место в нашей иерархии, которое занимал агент Андерсон. Как доедете до города,
заскочите в круглосуточный фаст-фуд, что у самого вокзала. Я вручу вам ваше новое задание, –
Куратор повесил трубку.

«Наконец-то я свалю из этого гнилого болота», – подумал Фрэнк и, размяв спину, пошел в машину.

Bad Riding Hood

Фейдерштейн испуганно вцепился в спину Ракши.

Байкерша, несомненно, была столь же крута, как и красива. Это Эрик понял с первого взгляда. Высокая брюнетка в косухе, кожаных штанах, темных очках и черной бандане с узором в виде Желтых Знаков буквально излучала ауру крутости.

Но заключая контракт с Джокером, некромант не предполагал, что под «наш человек обеспечит вашу охрану и транспортировку до Луизианы» имеется ввиду, что полоумная байкерша будет вести его на своем байке через всю Америку (реально через всю, штаты Вашингтон и Луизина практически в противоположных концах!) на скорости, превышающей все разумные пределы!

То, что она сразу же популярно объяснила ему, что сделает с ним, если его стошнит во время поездки, так же не добавляло ему душевного комфорта. Впрочем, её убедительность поразительно подействовала на его организм – его не тошнило до самого прибытия в пункт назначения. Зато, едва они подъехали, и он встал с байка, его вывернуло так, как не выворачивало никогда в жизни.

Когда он вернулся в реальность, Ракша беззлобно переругивалась о чем-то с какой-то шлюхой в латексном фетиш-костюме монашки. Впрочем, едва он на них посмотрел, Ракша повернулась к нему и сказала:

– Короче, сестра Мария, это Эрик Фейдерштейн, Эрик Фейдерштейн, это сестра Мария. Теперь она – твоя нянька, а он – твой геморрой.

– Я думал, вы меня будете охранять до конца операции?

– Делать мне больше нечего. Я обеспечивала транспортировку и охрану до Луизианы. Она обеспечит охрану на кладбище. А я проводить ночь на кладбище, где орудует некромант, не нанималась, да и не наймусь ни за какие шиши! Короче, теперь ты – её.

– Развлечемся, детка? – улыбнулась монашка.

– А как же я доеду обратно до Сиэтла?

– Вопрос к нанимателю, а не ко мне, – сказала Ракша и, вскочив на байк, оставила за собой лишь облако пыли.

– Ладно, черт с ней. Ты уже нашла могилу этого самого Джозефа Андерсона, которого мне предстоит оживить?

Ракша направлялась в родной Детройт, но по дороге решила заскочить в Чикаго. Во-первых, уже опускалась ночь, а во-вторых, в Чикаго было куда больше возможностей потратить заработанные деньги. Увы, все эти кризисы больно ударили по Детройту, почти все позакрывалось. Темные дела, конечно, стало вести по-проще, но надо же где-то тратить заработанное на этих темных делишках?

Она поехала в бар Великана. Великан помимо того, что был крутым мафиози, так же являлся могущественным чародеем, а потому в его баре всегда было много непростых личностей. Да и инквизов можно было не бояться, у него с ними был мир, а потому в его бар они не совались. А если и совались, то не по души таких, как Ракша.

Она, как и всегда, заказала «Адское Пламя», посмотрев при этом на бармена с приспущенными очками, чтобы увидев её глаза, он понял, что она из тех клиентов, которым можно заказывать *особые коктейли*.

– Что пьешь, красотка? – начал под неё подкатывать какой-то латинос.

Парень был довольно симпатичным, лет двадцати на вид, с крутыми татуировками. Его зеленые глаза напоминали колумбийские изумруды, тем более, что судя по всему, он и был колумбийцем. Впрочем, то, что он не опознал «Адское Пламя», да и сам потягивал «Крова-

вую Мэри» по обычному, а не по *особому* рецепту, говорило о том, что это обычный человек. С другой стороны, сегодня Ракше хотелось быть хищницей, так что хотя обычные люди не могут в сексе многих сногшибательных вещей, возможно, сегодня та ночь, когда именно это нужно Ракше.

«По крайней мере, не выкинет какой-нибудь фортель, вроде того придурка, что месяц назад решил внезапно превратить свой орган в щупальца», – подумала она и ответила, хищно улыбнувшись:

– Напиток, что не дает мне умереть со скуки.

– Тебе скучно? Тогда я очень удачно подошел, так как в этом баре нет лучшего специалиста по развлечениям, чем я, – ухмыльнулся колумбиец и многозначительно показал изнанку своей куртки.

«Да, точно колумбиец».

– Это очень милые развлечения, и я бы купила у тебя что-нибудь, но, честно говоря, я воспринимаю это скорее, как дополнение к развлечению, чем как само развлечение, – Ракша резко припала грудью к колумбийцу, схватив его за грудки, – ты ведь специалист по разным развлечениям?

Вдохнув кокс, они занялись бурным сексом в туалетной кабинке.

– Может снимешь очки?

– Мне так больше нравится, детка!

Вдруг, во время бурного поцелуя, колумбиец случайно стащил с её головы бандану.

– Твою мать, что это за хрень?! – закричал он, увидев в её волосах маленькие оленьи рожки.

– Ох, жаль, ты чуток раньше положенного, – наигранно погруснев, Ракша сняла очки и посмотрела на колумбийца своими желтыми змеиными глазами, – ну, что же, развлекусь иначе! – её ошетилившаяся нечеловеческими клыками пасть впилась ему в горло, и Ракша начала терзать несчастного.

– Каролина Персефона Худ, более известная, как Ракша! – произнес Великан, когда её, не смотря на отчаянное сопротивление, привели в его кабинет.

– Ещё раз назовешь мое документальное имя, я тебя укорочу до размера обычного человека! Меня зовут Ракша, урод! – заорала она, пока её приковывали к креслу.

– Я бы сказал «хотелось бы на это посмотреть», но я видел это так много раз, что уже просто скучно. А исход один – после очередной неудачной попытки, я ломал горе-укоротителю позвоночник в трех местах одним легким движением левой руки.

– Выпусти меня, жирный козел!

– Заткните её, меня это здорово утомляет, – устало приказал Великан, и Ракше заткнули рот кляпом. Впрочем, возмущенно мычать и гневно смотреть на Великана своими змеиными глазами она не перестала.

– Итак, давай перейдем к делам. И, на твоём месте, вместо того, чтобы бессмысленно тратить силы на это забавное мычание, я бы обратился в слух, так как от моих слов сейчас зависит твоя жизнь.

Ты убила смертного в моем баре. Хотя могла просто заказать крови у бармена, по моим данным, с деньгами у тебя сейчас все отлично. Но, нет, вам, шабашитам же вечно хочется сотворить какую-нибудь хрень!

И все было бы просто прекрасно, если бы не мой договор с Догмой. И теперь мне придется потратить кучу ресурсов, чтобы замять это дело. А я очень не люблю тратить ресурсы, ты меня понимаешь?

Ракша продолжала нечленораздельно поливать его проклятиями через кляп.

– Я бы пустил тебя в расход, но тебе дико повезло, – вот тут Ракша действительно обратилась в слух и стала внимательно слушать, – выньте у неё кляп.

– Спасибо.

– Не за что. Так вот, я прошу тебе твой долг, если ты выполнишь для меня одно задание. Как ты знаешь, у меня договор с Догмой.

– Я понятия не имею, что ты называешь «Догмой». Это вы, умники, вечно пытаетесь выдумать всякие термины, объединить, классифицировать. Нас вон Шабашем называете, хотя, твою же мать, мы даже единой организацией не являемся, так, толпа разрозненных отморозков, считающих, что не нам с нашей силой бояться людей.

– Я так называю организацию охотников на таких, как вы.

– Организацию, тоже мне! Сотни, если не тысячи, разрозненных конторок с религией головного мозга, а иногда и без оной, из которых хорошо, если половина хоть как-то координирует свои действия друг с другом!

– Будешь тратить мое время на бессмысленные разговоры, прикажу заткнуть тебя снова. Ракша притихла.

– Так вот, мои договоренности с ними, скажем так, связывают мне руки. И хотя безопасность моего бизнеса от их внимания вещь полезная и здорово экономит ресурсы, связанность рук в некоторых делах больно бьет по моим прибылям... Короче, мне нужно, чтобы ты доставила кое-какой груз в Бостон.

– Всего-то? Говно вопрос!

– Хорошо, условие всего одно – не смотреть, что ты везешь. И да, будь готова, груз попытаются отбить. Ну и, разумеется, нигде и никогда не должно всплыть, что нанимателем был я.

– Вот чисто из любопытства, а как же ты это проверишь?

– Ну, после доставки груза тебе затрут память. Если ты откроешь груз, в Бостоне опять-таки об этом узнают, как и если слух о моем участии поднимется раньше твоего прибытия.

– А что мне помешает просто свалить с этим грузом?

– О, отличный вопрос! Парни, тащите это сюда!

– Что за?... – начала кричать Ракша, когда на неё начали надевать какой-то ошейник.

– Замечательная штука. Догма заказала мне разработку. Нейтрализует действие выпиваемой носителем ошейника крови. То есть, пьешь ты кровь, пьешь, а проклятье все равно действует.

– Твою мать, ты совсем охренел, ты вообще понимаешь, как часто мне придется колдовать в дороге, если, как ты сказал, груз попытаются отбить?!

– Не то, чтобы это мои проблемы, сколько у тебя появится бородавок к концу пути, – усмехнулся Великан, – все равно, отказаться от работы ты не сможешь, иначе останешься в ошейнике навечно! Снять его, кстати, без ключа невозможно физически. И да, дабы ты не выкинула какой-нибудь фортель, когда мы тебя отцепим от кресла, уведомляю тебя о том, что ключ от ошейника в Бостоне. Ну, что же, ребята, отковывайте её!

Сказать, что Ракша была зла, это не сказать ничего. Она чувствовала себя вулканом, чье жерло заткнули пробкой перед извержением, и теперь лава копится и копится...

«Ладно, хорошо хоть, этот блокиратор сделали в виде ошейника, а не пояса верности или анальной пробки», – ухмыльнулась она про себя, чтобы хоть как-то разбавить гнев. Все равно он в этой ситуации не поможет, а ей сейчас нужна предельная концентрация.

Надежно прикрепив контейнер с грузом к своему байку, она помчалась в ночь.

Напали на неё в районе Кливленда.

Она ехала на полной скорости, когда кто-то телекинезом перевернул её байк.

«Хорошо, что моя регенерация – это волшебство, а не колдовство, а то бы после такого у меня по меньшей мере хвост бы вырос!» – подумала она, поднимаясь.

К ней приближалась до боли знакомая парочка. Бородатый толстяк в смокинге, цилиндре и красной рубашке, что отвратительно не сочеталась с его мертвецкой бледнотой, прихрамывал, опираясь на лопату, что заменяла ему трость. Чернявый метис в косухе и с щетиной, что начинала переходить в бороду, но ещё была щетиной, улыбался своей пастью начавшей трансформироваться в волчью.

Луи Грбовщик и Жан-Поль Зверь, более известные, как Луизианская Парочка. Ракше приходилось иметь с ними дела раньше, как сотрудничая, так и конкурируя, а иногда, как сейчас, и противостоя.

Луи был редким случаем ведьмака-мужчины. Его семья, будучи луизианскими плантаторами, так много поколений занималась самыми мрачными видами колдовства, что проклятье передалось и на мужскую линию тоже. Из-за этого он очень рано начал пить кровь. Впрочем, он все равно завидовал своему старшему брату, который родился без врожденного проклятия. А потому в определенный момент убил брата и его жену. Когда это вскрылось, семья похоронила Луи заживо. К счастью, колдовство и помощь Жан-Поля помогли ему выбраться из могилы и сбежать, подавшись на вольные хлеба.

Жан-Поль же был оборотнем каджунско-чарокского происхождения. Семья Луи часто нанимала его для разных грязных дел, но особенно ему нравилось иметь дела с Луи, ведь тот сам будучи изгоем (передача ведьмино проклятия по мужской линии свидетельствует о скорой трансформации семьи в Прекрасный Народ, и из-за этой плохой новости Луи недолюбливали с самого рождения) относился к нему без высокомерия и даже, напротив, с уважением. Поэтому Жан-Поль помог Луи спастись и они стали партнерами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.